

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѢИИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАСHEBA

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскнхъ мостами, д. № 90-1.

1878.

198
1878

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

**О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршіи
періодъ. . . . . Г. Мирковича.**

**Византійскіе лѣтописцы, какъ источникъ
для исторіи южныхъ славянъ, въ пе-
ріодъ паденія ихъ самостоятельности. В. Качановскаго.**

Замѣтки о разработкѣ обычнаго права. Θ. Леонтовича.

Критическія и библиографическія замѣтки.

**Древній славянскій переводъ Псалтыри. Исследо-
ваніе его текста и языка по рукописямъ XI—XVI
вѣковъ. В. Срезневскаго. . . . . В. Ламанскаго.**

Наша учебная литература.

**Рѣчь, произнесенная протоіереемъ С.-Пе-
тербургскаго историко-филологическа-
го института Знаменскимъ.**

**Императорская публичная бібліотека въ
1876 году.**

**Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты.**

Извѣстія училища. . . . . С. Цурминскій.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. оберткы.)

ВИЗАНТІЙСКІЕ ЛѢТОПИСЦЫ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ ИСТОРИИ ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ, ВЪ ПЕРІОДЪ ПАДЕНІЯ ИХЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ.

Южно-славянская литература представляет большой пробѣлъ относительно источниковъ по исторіи южныхъ Славянъ. Нѣтъ въ ней такихъ сочиненій на основаніи которыхъ можно было бы составить хотя приблизительно вѣрный обзоръ достопамятныхъ всему славянскому міру событій изъ времени объединенія всѣхъ южныхъ Славянъ въ „Сербскомъ царствѣ“, подъ мощною рукою царя Степана Душана, со смертію коего послѣдовало распаденіе южно-славянской монархіи. Естественно, поэтому, что изслѣдователю приходится не только что восполнить, (что было бы вполне естественно), но и замѣнить недостатокъ туземныхъ источниковъ иностранными, между которыми византійскіе занимаютъ самое почтенное мѣсто. Задача настоящей статьи — выяснитъ значеніе византійскихъ лѣтописцевъ для исторіи южныхъ Славянъ въ XIV и XV вв. При опредѣленіи степени достовѣрности каждаго изъ византійскихъ лѣтописцевъ, касающихся событій этого періода, мы приписываемъ въ расчетъ общественное положеніе самого лѣтописца и стараемся при этомъ сопоставлять свидѣтельства каждаго изъ нихъ съ свидѣтельствами другихъ современныхъ имъ иностранныхъ источниковъ. И такъ, обращаемся къ самому обзору лѣтописцевъ.

Никифоръ Григора [Νικηφόρος ὁ Γρηγορίτζ] родился 1295 г. въ Малой Азій, въ Понтійской Гераклеѣ, какъ самъ объ этомъ замѣчаетъ въ діалогѣ „о мудрости“ [περὶ σοφίας] ¹⁾. Кто были его родители—не

---

¹⁾ *Boisvius*, Nicéphori Gregorae vita (въ предисловіи къ изданію византійской исторіи Григоры въ *Corpus scriptorum Historiae Byzantinae*, pars XIX, v. I, стр. XX; *Joannis Alberti Fabricii*, *Bibliotheca Graeca*, т. VIII, стр. 632.

извѣстно, и самъ Григора въ почтенной цифрѣ своихъ произведеній нигдѣ не даетъ ни малѣйшаго намска о своемъ происхожденіи; не извѣстны также и другіе его родственники, кромѣ одного дяди, Гераклейскаго архіепископа Іоанна ¹⁾, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ коего онъ получилъ въ Гераклеѣ первоначальное образованіе ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ, по своему-ли желанію, или по желанію дяди, онъ отправляется въ Константинополь къ Константинопольскому патріарху Іоанну Гликѣ, подѣ руководствомъ котораго изучаетъ риторику, и въ то же время имѣетъ своимъ учителемъ по астрономіи великаго логогета Θεοδωρα Μετοχита ³⁾, автора замѣчательнаго и очень важнаго для исторіи южныхъ Славянъ произведенія: „Προσβευτικὸς“ ⁴⁾, въ которомъ описаны переговоры того же Μετοχита, отправленнаго 1298 г. посломъ въ Сербію, съ Сербскимъ королемъ Милутиномъ, по поводу брака сего послѣдняго на восьмилѣтней дочери Византійскаго императора Андроника II Старшаго, Симонидѣ. Μετοχитъ сообщаетъ здѣсь очень интересныя данныя для характеристики бытовой жизни Сербовъ того времени. Θεοδωρὸς Μετοχитὴς имѣлъ самое сильное вліяніе на Григору; къ нему Григора относился съ глубочайшимъ почтеніемъ, во всю свою жизнь: между ними завязалась самая тѣсная дружба, такъ что Μετοχитъ, умирая, поручилъ свое семейство попеченію Григоры, и этотъ послѣдній былъ очень заботливъ въ дѣлѣ образованія сына и дочери покойнаго своего учителя ⁵⁾; объ уваженіи Григоры къ своему учителю свидѣтельствуется также прочувствованная надгробная рѣчь, произнесенная имъ по смерти Θεοδωρα Μετοχита [уже монаха], о ней Григора упоминаетъ въ своей „Исторіи Византіи“: и я, какъ бы изъ числа тѣхъ, которые сильно скорбѣли по случаю его смерти, произнесъ надъ нимъ рѣчь ⁶⁾. Все-

¹⁾ Ἰγρηγορᾶς, lib. IX, cap. 7; *Boisvius ib;* *Michaud: Bibliothèque des croisades*, pars. III, 1829 an. стр. 439.

²⁾ *Boisvius*, Nicéph. Greg. vita.

³⁾ *Καταχουζηνός*. 1. 55. 7; *H. Nicolai*, Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur (Allgemeine Encyclopädie v. *Ersch.* und *Gruber*, erste Section, 1869 г., т. 87, стр. 325.

⁴⁾ Помѣщено въ Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, подѣ редакціей *Κ. Π. Саφιν*, т. А стр. 154—193.

⁵⁾ Подробности смотри у *Boisvius*.

⁶⁾ Слѣдующаго содержанія: Ἐχειθεν ἡμέραι τριάκοντα μεταξύ παρεβύθησαν [т.е. послѣ смерти Андроника II Палеолога Старшаго † 13-го февраля 1332 (6840)] καὶ ὁ μέγας τετελεύτησε λογοθέτης ὁ Μετοχίτης, τρισὶ μεγίστοις διανοῖς κωριευθεὶς τὸ, τε σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν, τὸ μοναδικὸν ὑπελθὼν σχῆμα μετέλλαξεν. Ἐπει

стороннее образованіе Никифора Григоры дало ему возможность заявить себя предъ просвѣщеннымъ и любящимъ науку Византійскимъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ. Въ то время Византійскій дворъ былъ переполненъ учеными по разнымъ спеціальностямъ; они находили въ Палеологѣ своего покровителя, а онъ, въ свою очередь, имѣлъ способность отличать и возвышать особенно выдающіяся, даровитѣйшія личности. Уже въ 1322 году, на 27-мъ году отъ роду, Григора пользовался почетомъ и извѣстностью у Палеолога, который рѣшилъ предоставить ему высшія должности въ управленіи церковью, и на первыхъ порахъ, какъ ручательство обѣщаннаго, предложилъ ему должность хранителя бумагъ (*χαρτοφύλαξ*); но молодой Григора отказался принять этотъ важный постъ. Не напрасно было обращено вниманіе Андроника II Палеолога на Григору. Это былъ дѣйствительно даровитый ученый и писатель, и вскорѣ онъ на дѣлѣ обнаружилъ свой талантъ. Бесѣдуя съ Андроникомъ II Палеологомъ о предметахъ изъ области астрономіи, онъ обратилъ вниманіе его на невѣрность насхальныхъ вычисленій и представилъ свои соображенія, какъ всего легче можетъ быть исправлена ошибка, тѣ самыя соображенія, по которымъ въ XVI столѣтіи былъ исправленъ календарь папою Григоріемъ XIII ¹⁾. Андроникъ II призналъ вполнѣ основательными соображенія Григоры, но привести ихъ въ исполненіе онъ не рѣшился изъ опасенія церковнаго раскола ²⁾. Вскорѣ затѣмъ, открытый диспутъ съ калабрійскимъ монахомъ Варлаамомъ, человекомъ очень образованнымъ, бывшимъ въ литературной перепискѣ съ Петраркою ³⁾ и явившимся изъ Италіи въ Грецію съ цѣлью распространенія философіи Аристотеля (которая впрочемъ была изучена имъ далеко не изъ первыхъ источниковъ, а изъ источниковъ искажившихъ ее,—доставилъ Григору славу перваго ученаго въ тогдашнемъ ученостомъ греческомъ обществѣ. Скромный Григора на первыхъ порахъ отказался было вступить въ диспутъ по вызову Варлаама, будучи опечаленъ смертью ⁴⁾ своего наставника Θεодора Метохита; по побужденію

δι μερος κατ'ω των εκεινων θρησκευτων θεριως, ως ειπὸς ἐπιγνώμην παρελθὼν μουφθίαν διήλθον τοιαύδε.

¹⁾ Впрочемъ, неизвѣстно, имѣлъ ли въ виду папа Григорій XIII соображенія Григоры.

²⁾ *Γρηγοράς*, lib. VIII, стр. XIII.

³⁾ *R. Nicolai*, *ibid.*, стр. 325.

⁴⁾ Въ біографіи Григоры, предпосланной русскому переводу его исторіи, подъ редакціей *Шамбесса*, т. 1, сказано, что въ это время Метохитъ былъ боленъ.

мый своими друзьями и какимъ-то важнымъ лицомъ Демаратомъ, онъ затѣмъ пошелъ на состязаніе съ Варлаамомъ, котораго изобличилъ въ положительномъ незнаніи астрономіи, грамматики, риторики и пѣники, въ познаніи важнѣйшихъ сочиненій Аристотеля, кромѣ книгъ по физикѣ и диалектикѣ. Побѣда надъ Варлаамомъ доставила Григорѣ массу послѣдователей, которые съ того времени стали величать его философомъ (φιλόσοφος) ¹⁾. Со смертью Андроника II Палеолога, въ византійской церкви расколъ обнаружился въ полной силѣ. Папа Іоаннъ XXII послѣдствіемъ принять мѣры для соединенія греческой церкви съ латинскою: съ этою цѣлью были присланы имъ въ Константинополь епископы Францискъ и Рикардъ для диспута съ греческими учителями вѣры; съ ними вступаетъ въ преніе Никифоръ Григора, по просьбѣ Константинопольскаго патріарха и друзей ²⁾. Затѣмъ, характерно обрисовывается личность Григоря въ спорѣ его съ Григоріемъ Паламою, котораго православная церковь, по постановленію Константинопольскаго собора 1368 года, признаетъ святымъ, и память его чтитъ во 2-ю недѣлю великаго поста. Первоначально Григора былъ близокъ съ Григоріемъ Паламой и вмѣстѣ съ нимъ дѣятельно опровергалъ упомянутого выше монаха ордена святаго Василія Великаго, Варлаама Калабрійскаго. Но затѣмъ между Паламой и Григоріемъ произошло разпоглашеніе относительно ученія „о Фаворскомъ свѣтѣ“: Палама, усердный ревнитель по вѣрѣ, доказывалъ, что свѣтъ, явившійся апостоламъ на горѣ Фаворѣ, былъ не сотворенный, а божественный и къ тому же доступный зрѣнію простыхъ смертныхъ, только бѣ они были богобоязненны; Григорѣ, знакомому съ естественными науками, подобное мнѣніе казалось ложнымъ и даже еретическимъ. Это заставило его применить къ партіи Варлаама, который сильно ополчился противъ многихъ обрядовъ аѳонскихъ монаховъ и особенно противъ ученія Паламы „о Фаворскомъ свѣтѣ“, когда Палама изъ Лоопы явился въ Солунь для пренія съ Варлаамомъ, въ защиту аѳонскихъ монаховъ. Уже въ 1340 году Варлаамъ, послѣ своего возвращенія изъ Авиньона, куда онъ былъ посылаемъ Византійскимъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ съ секретнымъ порученіемъ, обличалъ ученіе, защищаемое Паламой; а въ 1341 году Варлаамъ употребилъ въ Софійскомъ соборѣ всю силу своего крас-

¹⁾ Подробнѣе см. у *Boivini Niceph. Greg. Vita*, стр. XXIV.

²⁾ Γρηγοράς, vol. I, lib. X, (edit. *Schopen*) cap. 8.

порѣчія противъ Паламы ¹⁾, но оказалось, что этотъ имѣлъ сильныхъ защитниковъ. Варлаамъ ушелъ въ Италію. Вскорѣ затѣмъ оказалось, что самъ виновникъ открытаго обличенія Паламы Варлаамъ дѣйствовалъ далеко не какъ искренній защитникъ православія, а какъ напсковое орудіе, который только для виду явился сначала поборникомъ православія и даже вступалъ въ открытый споръ съ присланными напой Іоанномъ XXII епископами. Въ Италіи онъ снова возвратился въ лоно католической церкви ²⁾. Мѣсто Варлаама занялъ монахъ Григорій Акиндинъ. Акиндинъ сталъ обвинять Григорія Паламу въ двоебожін и просилъ Константинопольскаго патріарха Іоанна Глику составить новый соборъ для преціи съ Паламой относительно различія сущности и дѣйствій Божіихъ; соборъ состоялся въ мѣсяцѣ августѣ того же 1341 г., и Григорій Палама получилъ на немъ значительный перевѣсъ. Съ того времени ³⁾ и особенно съ 1346 г. Палама и его ученики стали одерживать верхъ, особенно когда ихъ сторону приняла императрица Анна; Палама началъ писать обвиненіи противъ партіи Акиндина, которые заставили главу ея написать увѣщательное письмо къ Никифору Григорѣ ⁴⁾, съ тѣмъ, чтобы поднять его на защиту своего ученія противъ Паламы. Никифоръ Григора послѣдовалъ этому приглашенію, тѣмъ болѣе, что къ тому времени глава противной партіи, самъ Палама, былъ вполнѣ оправданъ и рукоположенъ новопоставленнымъ Константинопольскимъ па-

¹⁾ Григора, по случаю болѣзни, не могъ присутствовать на этомъ соборѣ, см. *Nepsius*, стр. 594. (Γρηγόριος, lib. XI); *Voivini*, *Nicéph. Greg. Vita*.

²⁾ Объ этомъ переходѣ Варлаама въ католицизмъ говорятъ Григора (lib. XI) и Іоаннъ Кантакузень (lib. II, cap. XC); оба они согласны относительно времени этого перехода, именно послѣ возвращенія въ Италію, но различия въ одномъ самомъ главномъ пунктѣ: между тѣмъ какъ Кантакузень (ib.) свидѣтельствуеъ, что Варлаамъ потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ Григорія Паламы, Никифоръ Григора, напротивъ, ничего подобнаго не говоритъ: изъ свидѣтельства Григорія выходить, что ни та, ни другая сторона не была обличена. Подобное свидѣтельство Григорія отчасти подтверждается рѣшеніемъ константинопольскаго собора, подъ предѣлательствомъ патріарха Іоанна, по которому воспрещалось распространять свое ученіе какъ Варлааму, такъ и Паламѣ: ἀπεκρούσθη δὲ ἐν μόνον ἑκείνος (Варлаамъ) κατὰ δογματῶν λέγειν, ἀλλὰ δὲ αὐτὸς ἑὺς ὁ παλαμῆς (*Nepsius*, *De Byz. reg. script. Graecis*, стр. 594).

³⁾ Въ 1344 г. Константинопольскій патріархъ Іоаннъ Глинка, созвалъ противъ Паламы еще соборъ и заключилъ его на нѣкоторое время въ темницу.

⁴⁾ *Voivini*, *Nicéph. Greg. Vita*, стр. XXIX.

тріархомъ Исидоромъ въ Солунскаго митрополита ¹⁾. Противники Паламы не могли помириться съ подобнымъ исходомъ споровъ и потребовали у Византійскаго императора Іоанна Кантакузена созвать новый соборъ. Соборъ былъ созванъ 1351 г. въ Константинополѣ. Въ первомъ засѣданіи Никифоръ Григора, взявъ въ основу своего доказательства ложности ученія Григорія Паламы слова послѣдняго, сказанныя въ бесѣдѣ съ Григоріемъ еще до 1340 года, когда Варлаамъ еще не вступалъ въ споръ съ Паламою, что онъ (Палама) видѣлъ Божию природу своими тѣлесными глазами,—говорилъ противъ ученія Паламы, между прочимъ, слѣдующее: „Палама неосновательно утверждаетъ, будто Варлаамъ—виновникъ того лжеученія, которое самъ онъ защищаетъ. Но онъ обличенъ былъ въ своемъ заблужденіи, прежде чѣмъ Варлаамъ прибылъ въ Константинополь, потому что предо мною и многими другими онъ утверждалъ, что „видѣлъ Божию природу своими тѣлесными глазами“. Вскорѣ, по прибытіи къ намъ Варлаама изъ Калабріи, въ народѣ разнесся слухъ, что въ Солуни найдены имъ (Варлаамомъ) еретическія письма Паламы... Григорій Палама давно раздѣляетъ мнѣніе иконоборцевъ, утверждавшихъ, будто тѣло преобразовавшагося Господа нашего было превращено въ свѣтъ, непричастный никакому тлѣнію, и даже въ несотворенное божество“ ²⁾. Для уясненія отношеній Никифора Григоры къ Григорію Паламѣ на этомъ соборѣ, очень важно прочесть „краткую повѣсть“ о разговорѣ между Паламою и Григоріемъ, бывшемъ во дворцѣ императора Іоанна Палеолога въ 1355 году; она написана однимъ изъ придворныхъ, присутствовавшимъ при этомъ разговорѣ ³⁾. Какъ ни старался Никифоръ Григора убѣдить соборъ въ истинности своего убѣжденія, истекшаго изъ знакомства съ законами естествознанія, перевѣсъ остался на сторонѣ послѣдователей ученія св. Паламы такъ какъ къ нему примкнулъ императоръ Іоаннъ Кантакузенъ. По рѣшенію Константинопольскаго собора (1351 г.), ученіе св. Паламы было признано православымъ, а ученіе Акиндина осуждено, какъ ересь. Многіе послѣдователи Акиндина подверглись преслѣдованію, въ томъ числѣ митропо-

¹⁾ См. соч. магистра богословія *Модеста*. Святыи Григорій Палама, митрополитъ Солунскій. Кіевъ, 1860 г., стр. 22.

²⁾ *Ib.*, стр. 24, на основаніи *Fleuri*, *Historia eccles.*, т. XXIV, 1708 г., и Кантакузена, *Histor. Byz.* (*Corpus script. hist. Byz.*, т. XVI, стр. 639—640).

³⁾ Мы не имѣли возможности воспользоваться этимъ источникомъ и о существованіи его узнали изъ изслѣдованія: Св. Григорій Палама, стр. 72; памятникъ этого хранится въ Коаленовой библиотекѣ (*Biblioth. Coislin*), *ibid.*, стр. 173.

литы Ефесскій и Ганскій, епископъ Тирскій, представитель Антиохійскаго патріархата и двое ученыхъ—Дексій и Аванасій; Григора же былъ оставленъ въ покоѣ. Твердо держась своихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ не пожелалъ отказаться отъ нихъ даже въ то время, когда его партія потерпѣла совершенное пораженіе и когда императоръ Іоаннъ и жена его, желая привлечь его на свою сторону, предлагали ему, по смерти Константинопольскаго патріарха Исидора, патріаршную кафедру. Правда, онъ не могъ теперь открыто высказывать свое убѣжденіе, но литературно, въ письмахъ къ друзьямъ въ Трапезунтѣ и Кипрѣ, онъ продолжалъ выставлять на видъ всѣ заблужденія византійской церкви и даже винилъ въ томъ Византійскихъ императоровъ ¹⁾. Это вооружило противъ Григоры императора Іоанна Кантакузена, и онъ даже приказалъ, кажется, приставить стражу къ Григорѣ, имѣвшему свой собственный отдѣльный домикъ въ Аѳонскомъ монастырѣ, изъ тѣхъ же монаховъ, которые недавно называли его своимъ учителемъ. Духовная власть, съ своей стороны, не преминула сдѣлать все для униженія главнаго своего противника. Митрополитъ Селиврии Филосей наложилъ анафему на Никифора Григору и всѣхъ читающихъ его ученіе о догматахъ вѣры, и между прочимъ, о томъ, что Богоматерь не вошла во святая святыхъ ²⁾. Мало того, запрещено было всякое общеніе монаховъ съ еретикомъ Григорой и даже отняты были отъ него силою, какъ самъ онъ говоритъ въ своей „Исторіи“, священныя книги ³⁾; за каждымъ его движеніемъ и дѣйствіемъ слѣдили монахи.

Григора въ досадѣ на весь міръ, обиженный неблагодарностью со стороны своихъ учениковъ и въ особенности несправедливими въ его глазахъ нападками на него духовной власти и императора Кантакузена, принялся за написаніе своей исторіи: „Ρωμανή ιστορία“; въ теченіе сорока дней ⁴⁾ онъ написалъ 10 книгъ. Какъ плодъ скорого написанія, „Исторія“ его въ большей части догматична и носитъ отпечатокъ скорби и ѣдкой полемики. Весною 1354 г. надзоръ за Григоромъ еще болѣе былъ усиленъ: по приказанію императора Іоанна Кантакузена, ему воспрещено было выходить изъ стѣнъ своего дома ⁵⁾;

¹⁾ *Voicini*, Niceph. Greg. vita, стр. XXXIII.

²⁾ *Miklosich et Müller*, Acta Patriarchatus Constantinopolitani, № CCXXIX.

³⁾ *Voicini*, id., стр. XXXVI.

⁴⁾ *Voicini*.

⁵⁾ Γρηγοῦς, lib. XXVIII, послѣдняя глава.

поводъ къ этой крайней мѣрѣ наказанія подалъ самъ Григора, тѣмъ, что на приглашеніе Іоанна Кантакузена явиться ко двору, по случаю коронованія сына его Матвія Кантакузена, отвѣтилъ отказомъ. Конечно, Григора имѣлъ основаніе не довѣрять Кантакузену, виновнику его заточенія. Только съ занятіемъ Константинополя Іоанномъ Палеологомъ (въ началѣ 1355 г.) положеніе Григоря нѣсколько улучшилось: онъ былъ освобожденъ изъ заточенія и нашелъ себѣ въ Палеологѣ покровителя. Получивъ свободу, онъ снова началъ публично проповѣдывать противъ ученія Паламы, выставляя на видъ нѣск. заблужденія. Низложенный съ византійскаго престола, Іоаннъ Кантакузень, въ то время уже монахъ Мацкапскаго монастыря Іоасафъ, успѣвши выкупить изъ турецкаго плѣна Григорія Паламу, захваченнаго Турками 1354 г., на пути въ Константинополь ¹⁾, чтобы противуставить сильнаго борца опасному противнику Григорѣ. Между ними произошелъ диспутъ, въ которомъ верхъ одержалъ Григора; но Палама между тѣмъ распустилъ по городу слухъ, что Никифоръ Григора потерпѣлъ полное пораженіе. Это обстоятельство весьма оскорбило императора Іоанна Палеолога и его придворныхъ: Никифору Григорѣ пришлось письменно заявить свои возраженія ²⁾. Іоаннъ Кантакузень, въ свою очередь, позаботился о распространеніи разныхъ сочиненій Григорія Паламы. Впрочемъ, Іоаннъ Кантакузень созналъ свое заблужденіе и пожелалъ помириться съ Никифоромъ Григорю: 1357 г. онъ былъ приглашенъ друзьями къ Іоанну Кантакузену; въ собраніи зашла рѣчь объ убѣжденіяхъ двухъ противныхъ партій. Григора, испытывая на себѣ давленіе прежняго озлобленія противъ Паламы, не воздержался въ разговорѣ отъ рѣзкихъ выраженій, что опять раздражило обѣ стороны и особенно Іоанна Кантакузена. Озлобленіе противъ Никифора Григоря достигло до такой степени, что стали умышленно искажать его произведенія: такъ, въ послѣдней книгѣ своей „Исторіи“ Григора говорить, что враги его подправляли текстъ его рукописей слѣдующимъ образомъ: вмѣсто εὖ они ставили φέω; καλόνъ вмѣсто καχόνъ, κατὰ вмѣсто περὶ; поэтому онъ совѣтуетъ читателямъ его произведеній сопоставлять разныя экземпляры ихъ.

¹⁾ Это путешествіе въ Константинополь св. Палама предпринялъ съ тѣмъ, чтобы оказать свое посредничество въ дѣлѣ примиренія Іоанна Кантакузена съ Іоанномъ Палеологомъ.

²⁾ Hist. Byz., lib. XXX и XXXI (Boiv.).

При столь дѣятельной жизни Никифоръ Григора оставилъ много произведеній во всѣхъ родахъ ¹⁾. Никифоръ Григора обнималъ всю область византійской учености, и по справедливости, его можно причислить къ знаменитѣйшимъ греческимъ ученымъ въ послѣдній періодъ существованія Византійской имперіи. Біографію Григоры прежде всѣхъ написалъ Мартинъ Ганкій въ сочиненіи *de Byzantinorum regum scriptoribus graecis*; но самое обстоятельное жизнеописаніе составилъ Боввинъ ²⁾, предпославъ его изданію „Исторіи“ Григоры ³⁾.

„Исторія“ Никифора Григоры (*Ῥωμακὴ ἱστορία*) состоитъ изъ тридцати пяти книгъ и обнимаетъ періодъ времени отъ взятія Константинополя Венеціанцами (1204 г.) до 1359 г. Къ послѣднему году ученые относятъ и смерть Никифора Григоры, хотя данныхъ для этого нѣтъ никакихъ. По мнѣнію Боввина ⁴⁾, вѣроятность этого предположенія оправдывается тѣмъ, что Григорій заканчиваетъ свою „Исторію“ разказомъ о смерти (1359 г.) главнаго своего противника Григорія Паламы ⁵⁾.

Не смотря на то, что, подобно всѣмъ произведеніямъ Никифора Григоры, „Исторія“ его носитъ на себѣ отпечатокъ скораго писанія, она все-таки служитъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ для исторіи южныхъ Славянъ. Для періода паденія Сербскаго царства, „Исторія“ Григоры не можетъ представлять много данныхъ уже потому, что доведена только до 1359 г. Григорій суждено было быть свидѣтелемъ только начала волненій и безпорядковъ въ обширной южно-славянской монархіи по смерти царя Степана Душана; о нихъ онъ сообщилъ въ 50-й главѣ 37-й книги своей „Исторіи“ ⁶⁾, правда, краткія, но довольно вѣрныя свѣдѣнія, согласныя въ общемъ съ свидѣтельствомъ Іоанна Кантакузена ⁷⁾. У одного только Григоры мы находимъ сви-

¹⁾ Они поименованы въ предисловіи Боввина къ «Исторіи» Григоры, vol. I, и въ статьѣ *R Nicolai*, *Geschichte der byz. und neugriechisch. Literatur*.

²⁾ *Boivinus*, *Nicephori Gregorae vita*.

³⁾ *Fabricius*, *Bibliotheca Graeca*, т. VIII, стр. 632.

⁴⁾ *Boio*, стр. XLIII.

⁵⁾ Но невѣрно мнѣніе Николая и Фабриція, которые полагаютъ, что Григоры умеръ во время вторичнаго заключенія въ темницу Іоанномъ Кантакузеномъ; это предположеніе противорѣчитъ тому факту, что Григоры былъ освобожденъ Іоанномъ Палеологомъ 1355, а не Кантакузеномъ; послѣдній, съ того времени какъ лишился византійскаго престола, не имѣлъ власти преслѣдовать своихъ враговъ.

⁶⁾ *Γρηγοράς*, lib. XXXVII, стр. 50.

⁷⁾ *Καντακουζ., cap. μγ, стр. 314—319.*

дѣтельство о родственныхъ связяхъ Византійскаго императора Іоанна Палеолога съ Болгарскимъ царемъ Александромъ ¹⁾). Больше значенія Григора имѣеть для исторіи южныхъ Славянъ первой половины XIV в. Но не вдаваясь въ разборъ этихъ данныхъ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, мы остановимся на тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ „исторіи“ Григоря которыя до нѣкоторой степени характеризуютъ внутренній бытъ южныхъ Славянъ, въ періодъ предъ ихъ паденіемъ. Правда, и тутъ мы не находимъ массы свѣдѣній; но все же тѣ данныя, которыя онъ сообщаетъ, своею важностью вознаграждаютъ ихъ немногочисленность. Вотъ одно такое свидѣтельство, которому мы должны вполнѣ довѣриться, потому что сообщаетъ его современникъ, и къ тому еще очевидецъ: въ 1326 г. Византійскимъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ было отправлено посольство къ Сербскому королю Степану Дечанскому, (въ коемъ принялъ участіе и Никифоръ Григора), для переговоровъ о разныхъ дѣлахъ, и между прочимъ, для того, чтобы привезть въ Византію дочь Византійскаго императора ²⁾, вдову Паниперсиваста. Паниперсивастъ возсталъ противъ Византійскаго императора, страшно опустошилъ его провинціи и даже объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ; столицу онъ утвердилъ въ Θεσσαλονικαῖαхъ. Все это было сдѣлано имъ съ помощію Сербскаго короля; по смерти Паниперсиваста, жена его не рѣшилась явиться къ Грекамъ и потому ушла къ своему зятю, Сербскому королю. Никифоръ Григора подробно описалъ свое путешествіе въ посольствѣ въ VIII-й книгѣ своей „Исторіи“; онъ описываетъ мѣстности, чрезъ которыя посольство шло, описываетъ трудности, представившіяся на пути, и наконецъ, свои наблюденія надъ обитателями страны. Вотъ что онъ пишетъ ³⁾: „Въ глубокую темную ночь мы достигаемъ густой и неровной чащи, съ частыми засадами и ущельями; и здѣсь, не обращая вниманія на то, что наша обувь и одежда была разрываема нависшимъ терновникомъ, заботились мы только о томъ, какъ бы защитить свои глаза: пустивъ возжи, мы охраняли руками глаза; между тѣмъ нашли въ нашей свитѣ такіе которые, не страшась настоящихъ бѣдствій, запѣли заунывные пѣсни: они воспѣвали славныя дѣянія храбрыхъ мужей, о славѣ кото-

¹⁾ Γρηγ., cap. 51.

²⁾ Γρηγοράς, lib. VIII, стр. 14, édit. Schorp: ὅθεν ὁ γηραιὸς βασιλεὺς διὰ θεοῦ μεζόνων, κακῶν ἀπεσείλε προεβείαν πρὸς αὐτὸν καὶ ἄμα τῇ προεβείᾳ τὰ τοῦ Καταρικού ἀξιώματος σύμβολα.

³⁾ Ibid. cap. 376.

рыхъ мы слышимъ, но ничего не знаемъ ¹⁾; окружавшія насъ ущелья, воспринимая звуки голосовъ, повторяли пѣсни, какъ живыя существа. Я старался успокоить свою взволнованную душу, какъ вдругъ изъ засады выскакиваютъ мужи, одѣтые въ черную одежду, сдѣланную изъ волны и шкуръ, снятыхъ съ животныхъ тѣми, для кого они были нужны, словно бѣсовскія привидѣнія ²⁾; незаконные въ панцыри, они были не то, что легко вооруженные воины: въ обѣихъ рукахъ имѣли много всякаго оружія для сраженія на близкомъ разстояніи—пикъ и сѣкиры; имѣли также и метательныя копья ³⁾. Но то были не разбойники, а стражи дорогъ—охранители путешественниковъ отъ нападеній разбойниковъ“. Скоро затѣмъ посольство достигло одной деревни, гдѣ нашло гостеприимный приемъ. На слѣдующій день посольство двинулось дальше въ путь и достигло небольшого городка Струмицы, расположеннаго на крутой возвышенности. Здѣсь пришлось посольству и нашему лѣтописцу провести Пасху и быть свидѣтелемъ, какъ жители этого городка праздновали этотъ праздникъ: „Тамъ, для нихъ“ (то-есть, жителей Струмицы) „говорить Григора, всякое образование, благозвучіе и стройное пѣніе священнаго гимна—здорье; они имѣли варварскій языкъ, равно какъ и многіе нравы, соотвѣтствующіе патриархальной обработкѣ земли“ ⁴⁾. Дальше затѣмъ просвѣщенный лѣтописецъ дѣлаетъ сравненіе этого народа съ Греками; о языкѣ его Григора отзывается съ презрѣніемъ, что обусловливалось непониманіемъ его: „Языкъ у нихъ не полуварварскій, который звучитъ отчасти и пріятно, какъ напимѣрь, полу-Лядійцевъ или даже, можно сказать, полу-Фригійцевъ, но чисто звѣрскій и дикій, свойственный жителямъ—пастухамъ, потомкамъ номадовъ, выгоняющихъ въ весеннее время свои стада на утесистыя, покрытыя лѣсомъ горы“. Волѣе сочувственно относится Ники-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ исторіи Григоры, подъ редакціей Г. Шалфеева не вполне соблюдена точность (См. Никифоръ Григора въ изд. «Византійскихъ историковъ», 1862 г., стр. 372).

²⁾ Γρηγοράς, стр. 377 — 378: Οὐκοῦν ἀλλ' ἐν τοῦτοις ὄντων ἡμιῶν ἐξαίφνης ἀνίστανται τινες ἄνδρες τῶν ἔχεισε πετρῶν καὶ φαράγγων μιλαινάς ἐσθῆτάς τινας περιεῖμι ενοι αἱ εἰσιν ἐξ ἐρίων καὶ κωδιῶν, ἅττα ποτὲ ζῶων ἀπεδύσαντο οἷς δὴ που, γ' ἐκρήν· ἀντικρὺς δαίμόνια φάσματα.

³⁾ Ib. p. 378: τὴν αἰσταν ἐν βραχεῖ διήσαν τῆς σφῶν αὐτοῖσι διαίτης· ὡς φύλακες εἶεν τῶν ὄσων καὶ ὡς ἀποσοβοῖεν πάντα τινα τὸν βυλόμενον τὰς ἐγγιστα χώρας ἐπιόντα λάθρα ληΐζεσθαι.

⁴⁾ Ib. Λῆρος γὰρ τοῖς ἐκεῖ παιδεύσεις ἅπασα καὶ ρυθμός καὶ μοῦσα ἐμμελής ἱεράς ὕμνωνδίας, βάρβαρον ἡσυχασίαι γλῶτταν, ὡς τὰ πολλὰ καὶ ἕθη μάλα γέ τοι εὐφῶς προσήκοντα σκαχήνῃ.

форъ Григора къ народнымъ играмъ этихъ жителей: „Такъ какъ мы“, пишетъ онъ,—, по случаю праздника и ради восстановленія своихъ силъ, пробыли въ этой деревнѣ цѣлый день, то намъ пришлось изъ замка (въ этомъ городкѣ), сверху, какъ бы изъ облаковъ смотрѣть на все то, что обыкновенно бываетъ на народныхъ празднествахъ, какъ на примѣръ, всякаго рода хороводы мужчинъ возмужалыхъ, юношей и ребятишекъ“¹⁾. Эти народныя игры произвели на Грека хорошее впечатлѣніе, какъ такъ Григора замѣчаетъ, что „это празднество было намъ пріятнѣе, чѣмъ Лопьянамъ и Спартаицамъ ихъ народныя празднества“. Изъ Струмицы посольство прибыло въ Скопле, гдѣ и пошло тещу Сербскаго короля. При этомъ Григора сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Сербскому королю всѣ Трибалы (Сербы) вполне повинуются“²⁾. Къ сожалѣнію, Никифоръ Григора не сообщил никакихъ подробностей о приемѣ посольства сербскимъ королемъ; нѣтъ здѣсь свѣдѣній о придворныхъ церемоніяхъ — византійскихъ ли то, или туземныхъ—сербскихъ; по нимъ, вѣдь, тоже можно было бы составить кой-какое понятіе объ умственномъ и нравственномъ состояніи сербскаго общества половины XIV в., наканунѣ паденія Сербскаго царства. Можно предполагать, что Григора не нашелъ при сербскомъ дворѣ того, что было при византійскомъ, и потому, какъ ни пріятно было ему наблюдать совершенно юный, свѣжій, не испорченный народъ, народъ съ патриархальнымъ образомъ жизни и міровоззрѣніемъ, онъ въ концѣ концовъ заключаетъ описаніе посольства слѣдующимъ изреченіемъ первыхъ греческихъ философовъ: „Счастливы тотъ, кто родился Грекомъ, а не варваромъ“³⁾. Этимъ изреченіемъ Григора заканчиваетъ свой отзывъ о томъ, какую предупредительность выказалъ Сербскій король при отходѣ его тещи, вдовы недавно умершаго Паниперсееваста, съ греческимъ посольствомъ въ Византію: „онъ“ (Сербскій король), пишетъ Григора, „явился съ своею женою въ городъ Скопле утѣшать свою тещу и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить кесариссу домой съ почетомъ и подобающимъ уваженіемъ. Это онъ вскорѣ исполнилъ, по его мнѣнію, вполне хорошо, но на самомъ дѣлѣ далеко не такъ, какъ слѣдовало бы“. Какъ тутъ было

1) Γρηγ. ed. Bon. lib. VIII стр. 380: τά τε ἄλλα ὅποσα ταῖς πανηγύρεσιν ἐπεχράτησε γίνεσθαι: ἐωρῶμεν καὶ ὃν καὶ χορεία: παντοδαπὰς ἀνδρῶν ἐφήβων τε καὶ ὤσσι ἤβης ἄλλοις.

2) Ib. ὃ (ῥηγί) Τριβαλλοὶ πάντες ἔπονται καὶ οἱ μᾶλα ὑπαίκουσι.

3) Γρηγοράς, стр. 323.

дѣло, Григора не говорить; но только прибавляетъ: „Обезьяна, какъ говорить, обезьяной и муравей муравьемъ остаются; имъ никогда не бывать орлами и львами, потому что они ужь отъ природы отличаются глупостью и лишены смысла“. Это замѣчаніе Григоры имѣеть нѣкоторую цѣну: дѣлая подобное заключеніе, онъ, какъ лицо не заинтересованное въ томъ, что излагаетъ, могъ сообщить въ настоящемъ свѣтѣ все, что ему представилось, что не соглашалось съ воззрѣніемъ Грека. Основываясь на такомъ отзывѣ Грека, можемъ смѣло утверждать, что южные Славяне того времени не были полными наслѣдниками византійской придворной жизни.

Относительно хронологіи „Исторія“ Григоры болѣе обстоятельна, нежели „Исторія“ современника его, императора Іоанна Кантакузена. Впрочемъ, оба эти историка — Григора и Кантакузенъ далеко не безпристрастны въ разказѣ о томъ, что лично ихъ касается. Поэтому, замѣчаетъ Бовинъ ¹⁾, — слѣдуетъ пользоваться обоими вмѣстѣ, такъ какъ они пополняютъ другъ друга.

Іоаннъ Кантакузень (Καντακουζηνός), сынъ Кантакузена, префекта Целонопеса и Осодори Палеолога ²⁾. Этотъ Іоаннъ Кантакузень, авторъ „Исторіи Византіи“, различенъ отъ другихъ Іоанновъ Кантакузеновъ. Какъ человекъ превосходно образованный ³⁾, обладавшій обширными познаніями въ области науки, управленія государствомъ и военнаго искусства, нашъ историкъ изъ неизвѣстности успѣлъ вознестись до славы византійскаго императора. Первоначально, въ царствованіе Андроника I Палеолога, Іоаннъ Кантакузень былъ начальникомъ императорской стражи ⁴⁾, потомъ былъ возведенъ императоромъ Андроникомъ II Палеологомъ въ достоинство великаго domestика и имѣлъ такое значеніе, что всѣмъ управлялъ. Императоръ Андроникъ II очень часто, какъ Кантакузень самъ говоритъ въ своей „Исторіи“, — прилагалъ старанія къ тому, чтобы убѣдить Іоанна

¹⁾ *В. и.*, стр. XI, IV.

²⁾ *Fabrizii*, *Bibl. Graeca*, т. VII, стр. 787. *Nicolai*, *Geschichte der byzantinisch. und neugriech. Literatur*. (*Allgem. Encyclop.*, № 87).

³⁾ (Pontanus) въ «*Vita Kantakuzeni*» (въ предисловіи къ 1-й книгѣ его исторіи), замѣтивши данныя изъ произведеній самого Кантакузена, показываетъ всю эрудицію и обширный умъ нашего историка: кромѣ знакомства съ греческою литературой, онъ обнаруживаетъ знаніе римской литературы, знаетъ турецкій языкъ, обладалъ искусствомъ краснорѣчія, съ знаніемъ свѣтской литературы соединялъ знаніе духовной.

⁴⁾ *Καντακουζ.* *Corpus*, ч. XX, vol. I, lib. I, cap. 2, стр. 17.

Кантакузена принять титулъ соправителя; этотъ отказался отъ подобной чести, а между тѣмъ все правленіе находилось въ его рукахъ ¹⁾. Иоаннъ Кантакузенъ былъ, такимъ образомъ, съ раннихъ лѣтъ человѣкомъ государственнымъ, основательно изучилъ систему управленія еще при жизни Андроника II, былъ правой его рукой, и потому, вполне естественно, что Андроникъ II, умирая, назначилъ (1341 г.) его регентомъ Византійской имперіи, за малолѣтствомъ своего наслѣдника, сына Иоанна ²⁾. Во время регентства Кантакузена, между нимъ и матерью наслѣдника, вдовой Андроника II Анною, начался споръ изъ-за управленія государствомъ. Очень вѣроятно, что въ человѣкѣ, первоначально казавшемся скромнымъ въ своихъ стремленіяхъ (быть можетъ, и съ умысломъ), желаніе утвердить за своимъ родомъ византійскій престолъ вполне развилось, послѣ того какъ онъ на самомъ дѣлѣ оказался главою Византіи. Такимъ образомъ, Иоанна Кантакузена можно подвести подъ категорію тирановъ, хотя, нужно замѣтить, онъ нигдѣ въ своей „Исторіи“ не старается защищать себя отъ посягательства на обладаніе византійскимъ престоломъ въ достоинствѣ императора; Фактъ—его вѣнчаніе императорскою короной—не подлежитъ сомнѣнію. Мартинъ Ганкій не высказывается рѣшительно по этому предмету: утверждая, съ одной стороны, что „Исторія“ Кантакузена заслуживаетъ довѣрія ³⁾, съ другой, онъ признаетъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ Кантакузена о томъ, что онъ постригся въ монахи, тотчасъ послѣ занятія Константинополя Иоанномъ Палеологомъ, ⁴⁾; Ганкій думаетъ такъ въ виду яснаго свидѣтельства Францы ⁵⁾, что Кантакузенъ, низверженный съ престола Иоанномъ Палеологомъ, не оставилъ мысли снова возвратить себѣ тронъ съ помощію

¹⁾ Ibid. lib. II, стр. 369: οὐκ ἄραξ οὐδὲ δις καὶ τετράκις, ἀλλὰ καὶ πολλὰκις βασιλεὺς Ἀνδρόνικος ὁ νέος Καντακουζηνὸν τὸν μέγαν δομέστικον ὄλη γνώμη καὶ πάση, σπουδῇ τοῖς βασιλικαῖς ἠθέλησε κοσμήσαι παρασήμοις καὶ συγκαθηδρονάουτῳ καὶ συμβασιλεύοντα ἀποδείξει... ἥ τε γὰρ διοίκησις τῶν πραγμάτων πᾶσα ὑπ αὐτῷ (то-есть, Кантакузену) ἦν, καὶ τὰ βασιλέως προσταγμάτων οὐκ ἦττον ἢ αὐτὸς βασιλεὺς ἐρῶταῖς ὑπεσημαίνετο ὑπογραφαῖς, καὶ ἃ ἐξεφέρετο παρ' αὐτοῦ, τὴν ἴσην καὶ ὁμοίαν δύναμιν τοῖς βασιλέως εἶεν, καὶ τὰλλα ὅσα βασιλέως ἔργα ἦν, καὶ αὐτῷ ἐῤῥην. Этому предмету Кантакузенъ посвящаетъ цѣлую главу (стр. 363—370).

²⁾ Martinus Haenckius въ «De Byzant. regum. scriptoribus graecis, Lipsiae, M. DC. LXXVII, стр. 605 приводитъ объ этомъ свидѣтельство самого же Кантакузена и другихъ византійскихъ лѣтописцевъ—Григоры, Дуки и Францы.

³⁾ Haenckius, De byz. regum. script. graec., стр. 605.

⁴⁾ Ibid., стр. 619, § XXXII.

⁵⁾ Франτζης, стр. XIV и XV.

Сербовъ, Болгаръ и турецкаго султана Мурада I. На него, по свидѣтельству Францы, нисколько не подѣйствовало письмо Іоанна Палеолога ¹⁾, въ которомъ этотъ сильно укоряетъ его, какъ человекъ коварнаго, посягнувшаго лишить его прадѣдовскаго наслѣдія и занять самому, на чтѣ онъ не имѣетъ права: „Отецъ мой“, писалъ онъ, — „возвелъ тебя изъ невзвѣстности въ славу; предъ смертью ввѣрилъ меня тебѣ, но ты велъ себя не какъ истинный пастырь всѣхъ, а напротивъ, какъ волкъ, воръ и разбойникъ. До сихъ поръ ты еще не насытился столь многими обидами, гражданскими войнами, убійствами, приведеніемъ въ рабское состояніе гражданъ и гибелью братьевъ христіанъ“. Только неудача Кантакузена у Сербовъ и Болгаръ, которыми онъ былъ оставленъ, и затѣмъ коварство султана Мурада I ²⁾ заставили Кантакузена оставить свои замыслы и постричься въ монахи. Какъ бы тамъ ни было, слѣдуетъ однако, замѣтить что о посягательствѣ Кантакузена на наслѣдіе Палеологовъ свидѣтельствуется отчасти и онъ самъ. Правда, онъ этого не признаетъ открыто, а только выказываетъ мнѣніе, гдѣ кроется причина раздора его съ императрицей Анною, матерью юнаго Іоанна Палеолога. Кантакузенъ видитъ главную причину своего раздора съ Анною въ клеветѣ главныхъ своихъ враговъ вельможи Апокавка и Константинопольскаго патріарха Іоанна; они сдѣлали доносъ императрицѣ, будто Кантакузенъ желаетъ убить ее и ея сыновей, и такимъ образомъ, удержать престолъ въ своемъ родѣ ³⁾. Кантакузенъ въ своей „Исторіи Византіи“ опровергаетъ этотъ доносъ; но можно ли вѣрить его словамъ? Онъ старается только снять съ себя пятно. Вѣрнѣе будетъ признать, что подобныя стремленія въ Кантакузенѣ были замѣчаемы людьми не сочувствовавшими ему, сторонниками партіи Палеологовъ, которые и сообщили о томъ Аннѣ, матери Іоанна Палеолога. Тогда началась первая война Іоанна Кантакузена съ Анною. Перевѣсъ былъ на сторонѣ Кантакузена. Тотчасъ, послѣ побѣды, онъ съ женою своею Ириною былъ коронованъ Іерусалимскимъ патріархомъ Лазаремъ въ Адрианополѣ 1342 г. ⁴⁾ и послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, правилъ спокойно ⁵⁾. Въ 1347 г. споръ снова возобновился. На этотъ разъ, хотя

¹⁾ Письмо это приведено въ «Исторіи Византіи» Францы, стр. XIV.

²⁾ Φραγτίζης, сар. XV.

³⁾ Καντακουζου. Συγγραμ. script. hist. Byz., ч. XX, vol. II, lib. II, сар. 21, стр. 132.

⁴⁾ Ibid. lib. III, сар. 92, стр. 564.

⁵⁾ Ibid. сар. 53, стр. 310; здѣсь онъ самъ себя хвалитъ.

перевѣсь былъ не на сторонѣ Палеологовъ, Кантакузенъ покончилъ споръ такимъ образомъ, что призналъ себя соправителемъ Іоанна Палеолога на десять лѣтъ, то-есть, до того времени, когда Іоаннъ Палеологъ достигнетъ полнаго возраста, но желая предотвратить на будущее время подобныя споры, онъ выдалъ за Іоанна Палеолога свою дочь Елену. Въ то же время онъ пожелалъ вторично вѣнчаться императорскою короною ¹⁾, въ присутствіи императрицы Анны и Іоанна Палеолога: Константинопольскій патріархъ Исидоръ вѣнчалъ его императорскою короною, равно какъ и дочь его Елену, невѣсту Іоанна Палеолога ²⁾. Но и это было не совсѣмъ вѣрное средство. Вскорѣ (въ 1355 году) споръ снова возобновился ³⁾: Іоаннъ Палеологъ, благодаря хитрости Кателюзія, взялъ (1355 г.) Константинополь, послѣ чего Іоаннъ Кантакузенъ вынужденъ былъ уступить ему престолъ, который находился въ его рукахъ съ 1342 по 1355 г. Попытки Іоанна Кантакузена возвратить себѣ престолъ были напрасны. Терзаемый мыслию о своемъ низверженіи, не имѣя возможности удовлетворить свое тщеславіе, онъ послѣдовалъ духу времени — поспѣшилъ упокоить свою совѣсть удаленіемъ отъ міра и въ Манканскомъ (τῶν Μαγκάνων) монастырѣ, недалеко отъ Константинополя, постригся въ монахи, подъ именемъ Іоасафа. Примѣру мужа послѣдовала и жена его Ирина, постригшаяся въ монахини въ монастырѣ св. Маронъ, подъ именемъ Евгеніи ⁴⁾. Изъ Манканскаго монастыря лѣтописецъ нашъ перешелъ затѣмъ на Аѳонскую гору, въ Ватопедъ. Здѣсь, въ кельяхъ Ватопедскаго монастыря онъ своимъ перомъ поражалъ исламъ ⁵⁾ и

¹⁾ Кавт. vol. III, lib. IV, cap. 4, стр. 29.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кантакузенъ въ своей «Исторіи Византіи» (lib. IV, cap. 27, стр. 200—201) выясняетъ поводъ къ этому спору слѣдующимъ образомъ: приближенные Іоанна Палеолога постоянно ему твердили, что ему принадлежитъ одинъ пустой титулъ императора, все же управленіе находится въ рукахъ Кантакузена; въ столицѣ (Константинополѣ), говорили они, — сидитъ Кантакузенъ, а онъ — въ Салоникахъ среди враждебныхъ народовъ. Къ этимъ подстрекательствамъ приближенныхъ присоединилось подстрекательство короля Трибалловъ (Сербовъ, то-есть, Степана Душана), который желалъ поднять гражданскую войну, чтобъ ему удобнѣе было извлекать пользу изъ трудныхъ обстоятельствъ Византіи. И вслѣдствіе этихъ возбужденій молодой, неопытный императоръ, говоритъ нашъ лѣтописецъ, — внялъ и началъ враждебныя дѣйствія.

⁴⁾ Кавтахоуѣ, lib. IV, стр. 42.

⁵⁾ Его четыре апологіи противъ Сарацинъ и три рѣчи противъ Магомета въ защиту христіанства, изданы а *Rodolpho Gualtero*. Fol. Basilicae ar. Oporin. 1543 г.

іудейство; писалъ сочиненія философскія и историческія. Самый важный его трудъ— „Исторія Византии“ (Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ ἱστορίων βιβλία), въ четырехъ книгахъ обнимаетъ событія отъ 1320—1357 г.; въ ней Іоаннъ Кантакузенъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, представить дѣятельность свою и своего сына Матвѣя Кантакузена¹⁾. Во многихъ отношеніяхъ и особенно въ хронологіи „Исторіи“ Кантакузена не критична, за то довольно богата интересными фактами. Въ ней Кантакузенъ подробнѣе другихъ византийскихъ лѣтописцевъ разказываетъ о своей дѣятельности, которую старается представить въ самомъ лучшемъ свѣтѣ и потому умалчиваетъ о всемъ томъ, чтò можетъ затемнить его славу; съ тою же цѣлью онъ измѣняетъ самый ходъ дѣла. Такъ, напримѣръ, касаясь брака своей сестры (по другимъ — дочери) съ султаномъ Орханомъ, устроеннаго имъ же самимъ, съ цѣлью имѣть въ султанѣ вѣрнаго союзника, онъ, послѣ того какъ оказались гибельныя отъ того послѣдствія, старается оправдать себя тѣми доводами, что бракъ былъ заключенъ не по его инициативѣ, а по принужденію и одобренію его друзей и придворныхъ²⁾. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не бывало: все это выдуманно самимъ же Кантакузеномъ въ уединенной келіи. Ложь Кантакузена обнаруживаетъ современный ему лѣтописецъ Дука, который передаетъ дѣло совершенно иначе³⁾, равно какъ и позднѣе него жившій лѣтописецъ Лаоникъ Халкокондилъ. Этотъ послѣдній дѣлаетъ очень вѣроятное предположеніе, что Іоаннъ Кантакузенъ выдалъ свою дочь за Орхана для того, чтобъ имѣть вѣрнаго союзника противъ возможнаго столкновенія съ династіей Палеологовъ, юный потомокъ которыхъ, находясь, по завѣщанію отца, подъ его опекою, былъ лишенъ власти⁴⁾. Іоаннъ Кантакузенъ, разказывая о

¹⁾ Кант., *ibid.*, стр. 364: ἃ μὲν οὖν συμβέβηκε Ῥωμαίοις ἐφ' ἡμῶν ἐν τε τοῖς ἄνω χρόνοις, ἤνικα τῶν βασιλείων Ἀνδρονίκων ὁ πρὸς ἀλλήλους ἐκινήθη πόλεμος, καὶ ὕστερον ὁ μεταξὺ τῆς βασιλίδος Ἀννης καὶ Καντακουζηνοῦ τοῦ βασιλέως ἀνεῖρηται, καὶ τὰ τελευταῖα δὴ ταῦτα, ὅσα βασιλεὺς ὁ νέος Ἰωάννης πρὸς τε τὸν γυναικὸς ἀδελφὸν Ματθαῖον διηγήθη καὶ βασιλέα τὸν κηδεστὴν, τοιαῦτά ἐστι.

²⁾ Кант. ed. Bucker lib. II, стр. 585.

³⁾ Δούκας, сар. IX, стр. 33.

⁴⁾ Χαλκο νδύλης, lib. I, стр. 33, по изданію *I. P. Migne*, 1866 г. (въ его: «*Patrologiae cursus completus, seu Bibliotheca universalis integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium ss. Patrum, Doctorum, eto Patrologiae Graecae tomus CLIX*»): Ὁ μὲν οὖν Καντακουζηνὸς τὴν βασιλείαν ἀφελόμενος τὸν παῖδα πρὸς Ὀρχάνην τὴν ἐπιγαμίαν ποιησάμενος, ἑαυτῷ ξένον τε καὶ φίλον ἐκτῆσατο ἐς τὰ μάλιστα.

многихъ событіяхъ подробнѣе, чѣмъ Григора, Дука и Франца, въ то же время стоитъ выше ихъ относительно слога. Вслѣдствіе этой причины, Іоаннъ Воссій въ сочиненіи: „De historicis graecis“ (cap. XXIX) ¹⁾ высказалъ объ немъ мнѣніе такого рода, что съ нимъ несравнимы ни Григора, ни Франца, ни другіе византійскіе лѣтописцы. Но кажется, значеніе исторіи Кантакузена слишкомъ преувеличено Воссіемъ; уже одно то сильно ослабляетъ значеніе его исторіи, что онъ писалъ ее далеко не безпристрастно, какъ объ этомъ замѣчено выше. Подобно „Исторіи“ Никифора Григоры и „Исторіи“ Кантакузена преисполнена риторическихъ фразъ, повтореній и т. п. Вообще „Исторіей“ Кантакузена слѣдуетъ пользоваться осторожно, не смотря на то, что онъ самъ увѣряетъ въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній ²⁾.

Кантакузенъ прожилъ въ монастырскомъ уединеніи на Аѳонской горѣ до смерти своей, какъ свидѣтельствуется о томъ византійскій лѣтописецъ Дука ³⁾. Неизвѣстно, въ какое время онъ отправлялся въ Пелопоннесъ, для примиренія враждовавшихъ между собою его сыновей—до постриженія ли его въ монахи, или послѣ постриженія; знаемъ только, что въ то время онъ уже былъ лишенъ престола, и что ему скоро удалось примирить сыновей, съ которыми онъ послѣ этого прожилъ больше года ⁴⁾ и затѣмъ возвратился въ Византію. Основываясь на свидѣтельствѣ Димитрія Леонтара, что у Кантакузена родилась въ 1411 (6919) г. дочь ⁵⁾, можно признать за несомнѣнное, что императоръ Іоаннъ Кантакузенъ дожилъ до конца перваго десятилѣтія XV в. Какъ свидѣтель важныхъ событій изъ исторіи Балканскаго полуострова большей

¹⁾ *Hanckius*, De Byz. rerum scriptoribus graecis, стр. 625: Sane inter recentiores Graecos ei neminem puto praeferrī oportere: utcumque ei iniquiores sint Nicephorus Gregoras, Georgius Phranzes, et juniorum alii nonnulli.

²⁾ Кант. lib. IV, стр. 364: καὶ πρὸς οὐδέν τῶν εἰρημένων οὔτε πρὸς χάριν, οὔτε πρὸς ἀπέχθειαν ἐξέβημεν τῆς ἀληθείας, ἀλλ' αὐτὰ τὰ ὄντα ἱστορήκαμεν ἀκριβῶς, τοῖς μὲν αὐτοῖ παρόντες, ἤντικα ἐπραγματεύοντο, καὶ μετέχοντες τῶν γιγνομένων, τῶν δ' αὐτῆροισι γεγενημένοι ἀπ' αὐτῶν τῶν εἰρηασμένων.

³⁾ Δοῦκας, cap. XI.

⁴⁾ Кантак., vol. III, lib. IV, cap. 49, стр. 360: Καντακουζηνὸς ὁ βασιλεὺς ἐν Πελοποννήσῳ ὑπὲρ ἐνικυτὸν συνδιατρίψας τοῖς υἱέσι, καὶ ὡν ἔνεκα ἀφίχτο δεξιὸν τέλος ἔπειθεῖς, εἰς Βυζάντιον ἐπανήκεν.

⁵⁾ *Mabricii*, Bibliotheca Graeca, t. VII, cap. XII: ἡμέρᾳ δευτέρᾳ μετὰ τὸν θάνατον τοῦ ἀσιδίου βασιλέως τοῦ διὰ τοῦ θεοῦ καὶ ἀγγελικοῦ σημήματος μετονομασθέντος Ἰωσήφ μοναχοῦ; свѣдѣтельство это приведено въ примѣчаніяхъ Lambecus—а къ Кодику.

половины XIV и начала XV в., онъ долженъ былъ бы сообщить самыя интересныя свѣдѣнія о судьбахъ вѣжныхъ Славянъ и успѣхахъ Османовъ на Балванскомъ полуостровѣ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что Іоаннъ Кантакузенъ, находясь въ уединеніи на Аѳонской горѣ, не былъ совершенно разъединенъ съ міромъ, когда совершались тамъ въ XIV в. самыя важныя событія. Къ нему, уже монаху Іоасафу, къ дочери его Еленѣ и патріархамъ Константинопольскому Филовею и Іерусалимскому Лазарю, папа Урбанъ V писалъ въ 1367 г. ¹⁾, побуждая ихъ къ дѣятельному участию въ дѣлѣ воссоединенія греческой церкви съ латинскою: въ 1375 г., когда папа Григорій XI тоже поднималъ вопросъ объ уніи Грековъ съ Римскою церковью, и когда католическіе епископы вели споръ съ православными въ самомъ Константинополѣ,—монахъ Іоасафъ Кантакузенъ тоже принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ спорѣ, и больше своимъ значеніемъ, чѣмъ основательными доводами, достигъ того, что цѣлымъ соборомъ было признано преимущество латинской церкви предъ всѣми другими въ мірѣ. Папа Григорій XI, узнавъ объ этомъ содѣйствіи Кантакузена, отправилъ къ нему буллу, отъ 28-го января 1375 г. ²⁾, въ которой хвалилъ его мудрость и приглашалъ къ себѣ въ Римъ; въ то же время папа извѣщалъ Людовика Венгерскаго объ этой готовности Грековъ къ единенію съ Римскою церковью и побуждалъ его оказать помощь Византійскому императору, столицѣ котораго уже грозилъ опасный врагъ—Турки. Подобное стремленіе Іоанна Кантакузена найдти союзниковъ въ западно-европейскихъ государяхъ чрезъ унію съ Латинскою церковью было обнаружено имъ еще въ то время, когда онъ сидѣлъ на византійскомъ престолѣ. Послѣ счастливаго для Кантакузена исхода втораго спора его съ Іоанномъ Палеологомъ за престолъ, когда государство, въ продолженіе пяти лѣтъ, нѣсколько поуспокоилось отъ гражданской войны, онъ отправлялъ своихъ пословъ въ Римъ, къ папѣ Клименту VI, и они отъ его имени дали согласіе на унію церквей, только бы получить помощь для отраженія невѣрныхъ—Турокъ ³⁾. Видно такимъ образомъ, что Іоаннъ Кантакузенъ, постриг-

¹⁾ *Raynaldus*, *Annales eccles.* t. VII, стр. 153: *Discretionem tuam requirimus et hortamur attente, quatenus magnificum virum Iohannem Palaeologum Imperatorem Graecorum illustrem generum tuum, ac calogeros, nec non clericum et populum ad faciendum unionem praefatam, ex qua innumera spiritualia et temporalia bona provenient.*

²⁾ *Ibid.*, стр. 261—262.

³⁾ *Καντακουζηνός*, l. l. IV, cap. IX, стр. 57.

шись въ монахи, не порвалъ окончательно связи съ міромъ: онъ интересовался судьбою Византійской имперіи и даже удержалъ за собою нѣкоторую долю прежняго значенія. Естественно поэтому ожидать отъ него интересныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Турокъ въ борьбѣ съ Греками (1361 г.), когда былъ взятъ Адрианополь, съ Венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ (1396 г.—у Никополя), съ Болгарскимъ царемъ Шишманомъ (1365 г.), и наконецъ, съ Сербскимъ княземъ Лазаремъ Гребельяновичемъ, на Косовомъ полѣ (1389 г.). Но ничего подобнаго въ „Исторіи“ Каптакузена мы не находимъ: въ ней свѣдѣнія по исторіи южныхъ Славянъ не восходятъ дальше первыхъ годовъ правленія Сербскаго царя Уроша V (1356—1367 гг.) и Болгарскаго царя Александра. Каптакузенъ оказался точнымъ исполнителемъ поставленной имъ задачи—написать исторію событій, совершившихся въ его правленіе и главнымъ образомъ выяснить дѣятельность свою и своего сына Матвіи Каптакузена ¹⁾.

Эпирская лѣтопись (Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ τοῦ μοναχοῦ καὶ Πρόκλου μοναχοῦ περὶ διαφορῶν Δεσποτῶν τῆς Ἐπείρου καὶ τοῦ τσάρανου Θωμᾶ τοῦ Δεσποτοῦ καὶ Κομνηνοῦ τοῦ Πρελοῦρλου) писана, какъ видно изъ самаго ея заглавія, духовнымъ лицомъ, и притомъ не однимъ, а двумя — монахомъ Комненомъ и монахомъ Прокломъ. Что составители ея были духовныя лица, вполне подтверждается содержаніемъ ея, или вѣрнѣе сказать, тономъ рѣчи, какимъ составители повѣствуютъ о событіяхъ въ Эпирѣ съ (6858) 1350 г. ²⁾, со времени занятія этой области Сербскимъ царемъ Степаномъ Душаномъ ³⁾ до 1400 г. (6908), занятія Арты (гдѣ въ то время сидѣлъ деспотъ Стуръ) Сербо-албано-болгаро-влахомъ Вонгоемъ ⁴⁾. Составители должны были писать эту лѣтопись или вмѣстѣ въ одно и то же время, то-есть или оба собирали матеріалъ, или одинъ писалъ одну часть, а другой другую, или наконецъ одинъ былъ продолжателемъ другаго. Изъ текста самой лѣтописи мы извлекаемъ свидѣтельство, что написаніе первой части ея принадлежитъ обоимъ ⁵⁾, а второй — одному изъ нихъ, вѣроятно—вто-

¹⁾ Кантак., lib. IV, стр. 364 (см. выше).

²⁾ Эпирская лѣтопись § 1.

³⁾ Чтò случилось 1347 г.

⁴⁾ Ibid. § 42.

⁵⁾ Ibid. въ § 6 этой лѣтописи читаемъ: «Ἄλλα ταῦτα μὲν διηγησόμεθα πρόσω καὶ ἐν ταῖς τῶ ἰδίῳ ἀρτί δ' ὁ λόγος τὸν εἰρημίων ἐχέτω τῆς διηγήσεως». («Но объ этомъ далѣе расскажем въ свое время, а теперь поведемъ рѣчь по порядку». Перев. проф. Дестуниса).

рому ¹⁾). Начало второй части этой лѣтописи мы полагаемъ принять съ § 12, гдѣ начинается описаніе событій съ 1368 г. Вотъ доказательство нашего мнѣнія. Въ текстѣ лѣтописи, говорится отъ имени одного лица: „Да что и говорить: не станеть у меня времени развѣзать о всѣхъ злодѣянїяхъ, которыя Θομα обратилъ какъ бы въ законъ для горожанъ...“ ²⁾). Если къ тому же прїймемъ во вниманіе слѣдующія соображенія о деспотѣ Θομᾶ и городѣ Янинѣ въ первой части этой лѣтописи, что онъ (Θομα) не потерпѣлъ, чтобы городъ этотъ (Янина) былъ и назывался („πολιτρούλλητος“) многосланнымъ, а обратилъ его въ (πολιτρούνητος) многослезный, послѣ чего слѣдуетъ въ текстѣ: „но объ этомъ разкажемъ послѣ“, — то предположеніе наше получаетъ значеніе дѣйствительной истины. Подобныя слова можно было сказать только послѣ того, какъ на самомъ дѣлѣ это было осуществлено; случилось же это въпервый годъ деспотства Θομα въ Янинѣ, въ 1367 г., какъ объ этомъ повѣствуется въ §§ 9, 10 и 11 той же лѣтописи. Слѣдующее выраженіе (§ 27) въ русскомъ переводѣ профессора Дестуниса: „все это такъ случилось, какъ мы описали“ не можетъ служить опроверженіемъ нашего мнѣнія; въ греческомъ текстѣ стоятъ слѣдующія слова: „καὶ ταῦτα μὲν οὕτω“, соотвѣтствующія приведенному мѣсту изъ русскаго перевода. Очевидно, въ переводѣ проф. Дестуниса допущена маленькая неточность. Составители этой лѣтописи были родомъ греки изъ города Янины, какъ это видно изъ того, что главное вниманіе ихъ обращено въ ней на судьбу этого города; писали они въ интересахъ своихъ соплеменниковъ Янинцевъ. Поэтому, понятна то неудовольствіе ихъ, которое они называютъ „горемъ“ для Янинцевъ, что Сербы постепенно все дальше и дальше проникають въ Греческую Янинскую землю и забирають, вслѣдствіе незаконнаго рѣшенія деспота Θομα, движимыя и недвижимыя имѣнія, принадлежавшія прежде природнымъ Грекамъ ³⁾).

Изъ вышеизложенныхъ свидѣтельствъ само собою вытекаетъ, что составители этой лѣтописи были современниками и очевидцами описываемыхъ событій, и слѣдовательно мы имѣемъ полное право отнести этотъ письменный памятникъ ко второй половинѣ XIV вѣка. Какъ па-

¹⁾ Ibid. § 42: εἰς πῶς ἀδακρυτὶ τὴν τοῦτων ὑπενέγκω μνήμην καὶ στέρησαι!.. Δάκρυσι δὲ γέγραφα ταῦτα, οὐ μέλανι. («Какъ мнѣ безъ слезъ перенести ихъ утрачу!.. не чернилами, а слезами написалъ я это». Перев. проф. Дестуниса).

²⁾ Перев. Дестуниса: «Καὶ τί ἐτι λέγω; ἐπίλειψε, γὰρ με διηγοούμενον ὁ χρόνος περὶ τῶν τότε καχοπραγῶν τοῦ Θομᾶ, ἃς ἐνόμισε τῇ πόλει».

³⁾ Эпирская лѣтопись, § 10 и 12.

мятникъ, писанный очевидцами, лѣтопись эта имѣетъ за собою достоинство полной достовѣрности. Это за нею призналъ и послѣдній издатель ея, профессоръ Дестунисъ ¹⁾. Съ своей стороны мы добавимъ, что Эпирская лѣтопись составляетъ незамѣнимый источникъ для исторіи государства сербскаго элемента въ Эпирѣ. Изъ нея только мы можемъ узнать, каковы были отношенія между пришлецами Сербами и туземными Греками-Япинцами, и каковы должны были быть эти отношенія, чтобы янинская община пользовалась миромъ. Для этой цѣли Сяниша (Симеонъ) братъ Стенана Душана, старался казаться грекомъ и уравнивать отношенія Грековъ и пришлыхъ Сербовъ; для этого же опъ долженъ былъ жить въ мирѣ съ Византійскимъ императоромъ Палеологомъ. Коль скоро эти мирныя отношенія нарушались, туземцы-Греки оставляли своего владѣтеля и переходили къ другому, чего не дѣлали пришлые сербскіе поселенцы. Такъ это случилось съ деспотомъ Исавомъ, который 1388 г. отступилъ отъ союза съ Палеологомъ и подружился съ султаномъ Муратомъ I, признавъ послѣдняго своимъ сюзереномъ; вслѣдствіе того Япинцы возстали противъ него и признали своимъ владѣтелемъ Спату; напротивъ того, Сербы не перестаютъ держать его сторону: „Вмѣстѣ съ ними (Загорцами-Сербами) и подоспѣвшею помощію султана Мурата I деспотъ Исавъ выходитъ на встрѣчу Спатѣ и обращаетъ его въ бѣгство“ ²⁾. Изъ этой же лѣтописи узнаемъ, что со времени смерти деспота Оомы (1383 г. 23-го декабря) ³⁾ и избранія Исавы (1386 г.) ⁴⁾, владѣтеля Кефалопін, родомъ италіанца, изъ дома Буондесмонте ⁵⁾, въ деспоты, сербскій элементъ въ Эпирѣ начинаетъ понемногу уступать италіанскому, особенно по смерти жены его, вдовы Оомы, Ангелины, дочери Сяниши († 1394 г.), а за тѣмъ италіанскій элементъ уступаетъ турецкому. Начало утвержденія турецкаго элемента въ этой области положило, по свидѣтельству той же лѣтописи, тотъ же тиранъ—деспотъ Оома, призавпій Турокъ въ 1381, 1382 и 1385 г. ⁶⁾. Въ частности, изъ этой же лѣтописи почерпаемъ свѣдѣнія о судьбѣ земель, занятыхъ царемъ Стенаномъ Ду-

¹⁾ Предисловіе г. Дестуниса къ изданію Эпирской лѣтописи (С.-Пб. 1858 г.), стр. III.

²⁾ Эпирская лѣтопись, § 34, 35 и 36.

³⁾ Эпирская лѣтопись, § 28.

⁴⁾ Ibid. § 29.

⁵⁾ См. родословныя росписи, приложенныя къ изданію Эпирской лѣтописи Дестунисомъ.

⁶⁾ Ibid. § 23, 24, 27.

шаномъ, которыя онъ отдалъ въ управленіе своему брату Симеону и кесарю Прилюпу ¹⁾, а также и о намѣреніи Симеона (Синиши) занять сербскій престолъ по смерти Душана ²⁾.

Георгій Франца (ὁ Φραυτζῆς), принадлежавшій къ императорской фамиліи Палеологовъ³⁾, родился въ Константинополѣ 30-го августа 1401 (6909) года, какъ самъ объ этомъ говоритъ въ своей „Исторіи“ ⁴⁾. По смерти родителей (1417 г.) ⁵⁾, онъ попалъ 1418 г. ко двору Византійскаго императора Мануила Палеолога ⁶⁾, коего расположеніе вскорѣ снискалъ и чрезъ два года получилъ должность секретаря ⁷⁾. Не смотря на свою молодость, Франца былъ правою рукою Мануила; услуги его были такъ велики, что Мануилъ въ предсмертномъ завѣщаніи, поручая своего вѣрнаго совѣтника наслѣднику своему, сыну Іоанну, убѣждаетъ этого слѣдовать совѣту опытнаго государственнаго человѣка ⁸⁾. Завѣщаніе Мануила Палеолога было въ точности исполнено: сыновья его, Іоаннъ и Константинъ, не переставали пользоваться опытностью Францы, какъ при устройствѣ внутренняго порядка въ государствѣ, такъ и для посольствъ. Еще при жизни ихъ отца Мануила, Франца вмѣстѣ съ Лукой Нотаромъ и Мануиломъ Мелохреномъ былъ отправленъ 1424 года къ султану Мурату II, для заключенія съ нимъ мира. Къ этому времени султанъ Муратъ II покопчилъ съ своими соперниками на обладаніе престоломъ Османа и тотчасъ потребовалъ повинновенія отъ сосѣднихъ христіанскихъ государей на территоріи Балканскаго полуострова; Византійскій императоръ на первыхъ порахъ оказалъ со-

¹⁾ Ibid. § 3, 5, 7, 8, 25, 42. Совершенно согласно съ Эпирскою лѣтописью представляетъ вратца исторію дома Прилюпа въ Этоліи византійскій лѣтописецъ Халкокондилъ (edit. Мена, lib. IV, стр. 212—213; edit. Вон., стр. 211—212). По его свидѣтельству, преемникомъ Прилюпа былъ сынъ его Θομα, котораго Халкокондилъ нерѣдко называетъ Прилюпомъ; послѣ Θομα восходитъ на престолъ деспотъ Исавъ (плѣнникъ изъ г. Арты), благодаря содѣйствию жены Θομα, въ кою возгорѣлась страстная любовь къ прекрасному Исаву.

²⁾ Эпирская лѣтопись, § 4.

³⁾ Сестра Франца была женою Григорія Палеолога Мимона (Φραυτζῆς, lib. I, cap. 38), а самъ Георгій Франца былъ женатъ на Еленѣ, дочери Алексѣя Палеолога Ексамплакова, отъ которой имѣлъ три сына и одну дочь (ibid., lib. II, cap. XVII).

⁴⁾ Ibid., cap. XVIII, стр. 65.

⁵⁾ Ibid., cap. XXXV, стр. 109.

⁶⁾ Ibid., cap. XXXVI, стр. 110.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Φραυτζῆς, lib. II, cap. I, стр. 124.

противленіе, которое не принесло ему пользы, такъ что пришлось прибѣгнуть къ ловкости опытнаго дипломата Георгія Франца; переговоры эти были неудачны: въ пользу султана были сдѣланы важныя уступки, и при всемъ томъ нисколько не выжили лицъ, ведшихъ эти переговоры. Несговорчивость султана условливалась его сознаниемъ собственнаго достоинства и могущества; это вполне понималъ Византійскій императоръ и потому оправдалъ неудачу этихъ переговоровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и не измѣнилъ своихъ отношеній къ нашему лѣтописцу. Въ царствованіе Мануилова преемника, Иоанна VI Палеолога (1425—1448 г.), и затѣмъ Константина XI, Франца больше всего обпаружилъ свой талантъ; какъ приверженецъ династіи Палеологовъ, онъ готовъ былъ на всѣ услуги имъ. По смерти Мануила (1425 г.), Георгій Франца былъ назначенъ Иоанномъ VI Палеологомъ въ совѣтники брату Константину ¹⁾, который въ то время имѣлъ получить въ управленіе Целопоннесъ, находившійся подъ управленіемъ Θεодора Палеолога. Для принятія этого владѣнія отъ Θεодора Палеолога, рѣшившагося постричься въ монахи, отправляются оба брата, въ сопровожденіи своего совѣтника Георгія Франца ²⁾. Но Θεодоръ Палеологъ измѣнилъ свое намѣреніе. Тогда императоръ Иоаннъ VI Палеологъ употребилъ иной оборотъ, только бы доставить брату Константину владѣніе; онъ женилъ Константина на племянницѣ Албанскаго князя Карла Токо, которая въ приданое получила городъ Кларенцу. 1-го мая 1428 года Франца былъ отправленъ въ Кларенцу принять ее во власть Константина ³⁾, и вскорѣ затѣмъ, когда во власть Константина перешло нѣсколько другихъ пунктовъ въ Целононнесѣ, нашъ лѣтописецъ приписывается (1428 г.), по порученію юнаго деспота Константина (1428—1448 г.), за администрацію этихъ владѣній. 1429 г. Франца сопровождалъ деспотъ Константинъ въ походъ на Патру. Присоединеніе Патры стоило деспоту Константину многихъ хлопотъ, при чемъ самое большое участіе принялъ Франца. Вскорѣ послѣ этого перваго похода Франца отправлялся въ Патру, гдѣ былъ схваченъ жителями и посаженъ въ заключеніе, изъ котораго онъ, по собственнымъ его словамъ ⁴⁾, вышелъ едва живъ. Дѣло въ томъ, что Патранцы не охотно признавали власть деспота Константина Палеолога и скорѣе склонялись под-

¹⁾ Франτζής, lib. II, cap. 2, стр. 127.

²⁾ Ibid., стр. 123, Χαλκωνδούλης, lib. V, стр. 240.

³⁾ Ibid., стр. 127.

⁴⁾ Ibid., cap. VI, стр. 145.

чиваться турецкому султану, который употреблялъ всё старанія для утвержденія здѣсь мирнымъ путемъ своей власти. Намъ неизвѣстно, когда именно Франца былъ посаженъ въ заключеніе Патранцами. Быть можетъ, что его заключеніе находится въ связи съ крайними средствами, употребленными имъ въ этомъ случаѣ; довольно того, если онъ, для удовлетворенія своего желанія—узнать содержаніе письма Патранскаго митрополита Пандульфа Малатесты, отправленнаго чрезъ пословъ къ султану Мурату II, рѣшается на средство слѣдующаго рода: „Пословъ, отправленныхъ съ этимъ письмомъ, онъ приводитъ въ состояніе пьяныхъ, и въ такую минуту отыскиваетъ у нихъ это письмо, переписываетъ и обратно кладетъ имъ“ ¹⁾). Въ своей „Исторіи“ Франца не показываетъ, какое было содержаніе этого письма; но если онъ нашелъ нужнымъ списать, значитъ—оно было важно для его дѣйствій въ Патрѣ. Усиленные заботы Георгія Францы кончились наконецъ тѣмъ, что деспотъ Константинъ Палеологъ получилъ (1430—6939 г.) Патру въ полное владѣніе и вѣрилъ се управленію своего совѣтника Георгія Францы ²⁾). Въ 1432 г. Франца получилъ должность протовестиара и одновременно же былъ отправленъ посломъ къ султану Мурату II ³⁾). Въ 1434 г. онъ исполняетъ три посольства: къ Антону Комнену, владѣтелю Аѳинъ, затѣмъ къ султану Мурату II, и наконецъ, къ императору Іоанну VI Палеологу ⁴⁾). Послѣ смерти Антона Комнена (1435 г.), деспотъ Константинъ отправилъ Францу къ вдовѣ того, для переговоровъ объ уступкѣ ему Аѳинъ и Фивъ, соглашаясь съ своей стороны дать ей въ замѣнъ мѣстности въ Целононцесѣ; но Франца вовсе не начиналъ переговоровъ съ нею, такъ какъ полководецъ султана Тураханъ успѣлъ было до его прибытія занять Фивы ⁵⁾). Тогда Константинъ поручилъ Францѣ завести эти переговоры съ султаномъ, и результатомъ ихъ было, какъ видно изъ его „Исторіи“, утвержденіе дружественныхъ отношеній между деспотомъ Константиномъ и султаномъ Муратомъ ⁶⁾). Въ 1436 г., 25-го марта, Георгій Франца былъ отправленъ деспотомъ Константиномъ и Михайломъ

¹⁾ Ibid., cap. VIII, стр. 153:

²⁾ Ibid., cap. IX, стр. 156.

³⁾ Ibid., cap. X, стр. 157 и въ предисловіи къ своей «исторіи»: *ὁπως τοίνυν κατ'ὸν Γεώργιον Φραντζῆς, ὁ χρηματίας καὶ πρωτοβεστιάριος καὶ Πρηγόριος τὰχ μοναχός, ταῦτα ἔγραψα...*

⁴⁾ Ibid., стр. 158.

⁵⁾ Ibid., стр. 159.

⁶⁾ Ibid., cap. XI, стр. 160.

Асапомъ ¹⁾, гофмейстеромъ деспота Θομυ, къ султану Мурату II, для заключенія съ нимъ союза противъ деспота Θεοδору II, желавшаго утвердить въ Πελοποννησῆ своихъ трехъ братьевъ и вытѣснить деспота Θομυ изъ Морей. Намъ неизвѣстно, какъ Франца повелъ первоначально это дѣло; знаемъ только, что въ 1437 г., благодаря содѣйствію Францы, былъ заключенъ миръ, по которому Морей была раздѣлена между Θεοδоромъ и Θομοу ²⁾. Въ 1440 г. деспотъ Константинъ посылалъ Францу въ Λεσβοςъ для сговора съ певѣстою Екаториною Кателузи ³⁾. Въ 1441 г. деспотъ Константинъ пожелалъ сдѣлать обмѣнъ своихъ владѣній въ Морей на Селиврію и Мессемврію (у Чернаго моря), принадлежавшія деспоту Димитрію; императоръ Ιωαννῆς VI Παλεολογῆς на это соглашался, Димитрій же на отрѣзъ отказался; только въ 1443 г., когда Турки усилили свое давленіе на эти мѣстности, желаніе деспота Константина было исполнено: тогда же управленіе Селивріей онъ ввѣрилъ Георгію Францѣ ⁴⁾. Въ томъ же году деспотъ Θεοδору отправилъ своего протостратора Λεωφραγγουλα для переговоровъ съ Георгіемъ Францею объ обмѣнѣ земель; вслѣдствіе того деспоту Θεοδору была уступлена Селиврія, а часть его владѣній въ Морей, съ самымъ главнымъ пунктомъ — Μυζιτρού, отошла (1444 г.) къ деспоту Константину ⁵⁾. Въ томъ же 1444 г. въ Спарту прибылъ папскій легатъ, отправлявшійся пакалунѣ Варпенской битвы въ Κονσταυτινούπολιν, съ цѣлью заключенія союза между Византійскимъ императоромъ Ιωαννῆς VI Παλεολογῆς и Венгерскимъ королемъ Владиславомъ; деспотъ Константинъ принялъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ: по его порученію Георгій Франца отправлялся сначала къ Византійскому императору и султану Мурату II, а затѣмъ къ Венгерскому королю Владиславу и въ Венецію—къ Αλωϊσίου Λορεδανῶ ⁶⁾. 1446 года Франца

¹⁾ Ibid., cap. XII, стр. 161.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., cap. XVIII, стр. 192.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid., cap. XX; Χαλκοκονδύλης, lib. VI, стр. 318—319 и lib. VII, стр. 341; chronicon breve Францы, стр. 518—519 (въ томъ же томѣ, гдѣ наведена его «исторія»).

⁶⁾ Ibid., cap. XIX, стр. 197: φάσαντός μου οὖν εἰς τὴν Σπάρτην, μετὰ τινὰς ἡμέρας οὐ πολλὰς ἦλθεν εἰς τὴν Κονσταυτινούπολιν μετὰ πλείστων τριήρων ὁ καρδινάλιος... τοῦ πάπα λεγάτος διὰ τὴν κατὰ τῶν ἀσεβῶν τοῦ ῥήγος τῆς Οὐγγρίας ἐξέλευσιν. ἐστάλην καὶ αὐτῷ πρέσβος πρὸς τε τὸν βασιλέα καὶ τὸν ἀμήραν καὶ αὐτὸν δὴ τὸν ῥήγα, ἀλλὰ δὴ καὶ πρὸς τὸν πρεσβυτὴν ἦτοι λεγάτον καὶ πρὸς τὸν καπητάνιον Αλωϊσιον διὰ, τινὰς ἀναγκαίας δουλείας, πρὸς οὐ πρόβωσι τὰ πράγματα.

былъ назначенъ префектомъ Мизитры и ея окрѣстностей ¹⁾. Въ томъ же, или слѣдующемъ году, Франца, по порученію деспота Константина, отправлялся въ Константинополь ²⁾, и затѣмъ отсюда ходилъ къ владѣтелю Иберіи Георгію Мепену и къ владѣтелю Трапезунта Іоанну Комнену, съ порученіемъ пріискать своему повелителю третью жену; но смерть Византійскаго императора Іоанна VI заставила его вскорѣ возвратиться обратно въ Константинополь. По смерти Іоанна VI (15-го августа 1448 г.), Георгій Франца оказываетъ услуги деспоту Константину при занятіи Византійскаго престола (1449—1453 гг.). Соперникомъ деспота Константина явился братъ Дмитрій. Не смотря на то, что сторону Константина XI держало населеніе Константинополя, и такимъ образомъ онъ имѣлъ перевѣсъ, ему слѣдовало еще получить согласіе султана на занятіе византійскаго престола; Франца тотчасъ спѣшитъ къ султану Мурату II и убѣждаетъ его, что Константинъ — самый достойный изъ всѣхъ братьевъ претендентъ на обладаніе престоломъ ³⁾; за эту услугу Константинъ XI возвелъ Францу въ достоинство великаго логовета ⁴⁾. Въ январѣ 1449 года Константинъ короновался въ Спартѣ (Мизитрѣ) корономъ Византійскихъ императоровъ, а 12-го марта того же года, онъ, въ сопровожденіи своего министра Георгія Францы, въѣхалъ въ Константинополь при радостныхъ восклицаніяхъ народа. Въ Константинополѣ Франца пробылъ до смерти послѣдняго Византійскаго императора Константина XI; такимъ образомъ онъ былъ свидѣтелемъ завоеванія (1453 г.) Турками столицы Константина. Прежде осады Турками Константинополя, Франца, по порученію Византійскаго императора Константина XI, отправлялся въ Морю къ братьямъ императора Дмитрію и Томѣ, для заключенія съ ними союза, въ виду грозы, имѣвшей разразиться надъ столицею Константина Великаго ⁵⁾. Пораженіе, нанесенное братьями Константина XI одному изъ отрядовъ турецкаго полководца Турахапа, подъ начальствомъ сына его Ахмета, вблизи Леонтари, только разъярило Турахана, но не имѣло важныхъ для успѣха Грековъ послѣдствій: Тураханъ устремился на Константинополь; братья же Константина XI, въ упоснѣнн отъ недавно одержанной побѣды, не

¹⁾ Ibid., cap. XIX, стр. 200.

²⁾ Ibid., послѣдняя глава 2-й книги.

³⁾ Ibid., lib. III, cap. I, стр. 205.

⁴⁾ Ibid., cap. VI, стр. 162.

⁵⁾ Ibid., стр. 230.

думали о томъ, чтобы помочь своему брату въ готовившейся осадѣ Турками Константинополя ¹⁾. При вятіи Турками Константинополя, Франца попался въ плѣнъ Туркамъ, былъ проданъ въ рабство и отведенъ въ Целопоннесъ; жена и дѣти его тоже были проданы ²⁾. По возвращеніи (въ началѣ 1454 г.) изъ этого плѣна, Франца отправился въ Мизитру къ Ѳомѣ Палеологу, который уважалъ дипломатическія способности Франца не менѣе, чѣмъ его братъ Константинъ XI; Ѳома Палеологъ, для того, чтобы удержать при себѣ столь опытнаго и полезнаго чловѣка, далъ Францѣ во владѣніе городъ Кертенцу ³⁾. Едва успѣлъ Франца утвердиться на новомъ мѣстѣ, какъ тотчасъ получаетъ порученіе отъ деспота Ѳомы идти въ Сербію для переговоровъ съ Сербскимъ деспотомъ Юріемъ I Бранковичемъ о разныхъ важныхъ дѣлахъ. Франца уже былъ на пути и готовился изъ Епидавра перейти въ земли Сербскаго деспота, какъ возникшее къ тому времени волненіе въ Целопоннесѣ заставило его прекратить дальнѣйшее путешествіе и послѣшить обратно въ Целопоннесъ ⁴⁾. Можно полагать, что это путешествіе было предпринято съ цѣлью заключенія союза взаимной помощи противъ Турокъ, которые, въ то время, занявъ столицу Византійской имперіи, навели чрезвычайный страхъ на остальныхъ слабыхъ христіанскихъ владѣтелей на Балканскомъ полуостровѣ. Къ несчастію южныхъ Славянъ, Франца не могъ выполнить своего порученія: Сербы были предоставлены однимъ собственнымъ силамъ, когда султанъ Мегеметь сдѣлалъ (1454 г.) вторженіе въ ихъ землю, опустошилъ ее и занялъ городъ Новобрдо ('*Новобродовъ*) ⁵⁾. Такой успѣхъ турецкаго оружія въ Сербіи навелъ ужасъ на Целопоннескаго деспота и его министра Францу; по порученію деспота, Франца отправляется къ султану, возвратившемуся изъ этого похода въ резиденцію Адрианополь ⁶⁾, для заключенія дружественныхъ отношеній. Въ 1455 г. Франца, по порученію того же деспота, велъ переговоры съ Венеціей, въ видахъ устраненія несогласій изъ-за границъ; къ этому присоединилась жалоба на нападенія Албанцевъ. Переговоры не имѣли успѣха ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 223—224.

²⁾ Ibid., lib. IV, cap. 1, стр. 309; *Hanckius*, De byz. reg..., стр. 661.

³⁾ Ѳома далъ Францѣ аргировауъ на это владѣніе (ibid., cap. XIV, стр. 383).

⁴⁾ Ibid., стр. 384.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Впрочемъ: для изъявленія покорности султану (ibid.).

⁷⁾ Ibid., стр. 385 (изъ статьи *Гонфа*: «Griechische Geschichte» въ *Allgem. Encyclop. Ерна и Грубера*, erste Section, № 86, стр. 126.

Въ 1459 г., во время нападенія Хамзы на Пелопоннесъ, Франца былъ при деспотѣ.

Франца кончилъ свою многотрудную и печальную жизнь въ уединенной кельи монастыря на островѣ Корфу, куда онъ прибылъ 1460 г., вмѣстѣ съ деспотомъ Пелопоннеса Θомою ¹⁾. На островѣ Корфу нашъ лѣтописецъ находился въ выжидательномъ положеніи, слѣдя за тѣмъ, какою дальнѣйшею успѣхъ будутъ имѣть Турки; когда же Турки вполнѣ утвердились въ Пелопоннесѣ, онъ рѣшился навсегда оставить Грецію и перейти въ Италію: 18 апрѣля 1466 года, онъ отправился въ Италію ²⁾, но вскорѣ (въ сентябрѣ 1467 г.), возвратился назадъ въ Корфу, гдѣ, въ 1468 г., удручаемый болѣзнію постригся въ монахи, подъ именемъ Григорія, какъ самъ объ этомъ говоритъ въ предисловіи къ своей „хроникѣ“ и въ самой „хроникѣ“ ³⁾. Въ то же время и жена его постриглась въ монахини, подъ именемъ Евпраксіи.

Въ монастырѣ на о. Корфу Франца, по просьбѣ нѣкоторыхъ корциранъ, написалъ хронику (*Χρονικὸν Γεωργίου τοῦ Φρατζῆ*), въ четырехъ книгахъ. Франца былъ уже 80-лѣтній старикъ, когда приступилъ къ написанію своей „хроники“; поэтому онъ въ предисловіи говоритъ, чтобы читатели извинили ему недостатки, какіе могли вкратиться въ его трудъ, вслѣдствіе его слабости и старости. Въ своей „хроникѣ“ Франца представилъ исторію Палеологовъ, начиная съ 1261 г. до взятія Турками Константинополя (1453 г.); затѣмъ союзныя дѣйствія деспотовъ Пелопоннеса Димитрія и Θомы противъ Турокъ до 1477—1478 года ⁴⁾, до времени своей смерти ⁵⁾.

Общее мнѣніе ученыхъ ⁶⁾ о „хроникѣ“ Франца таково, что осада и взятіе Константинополя описаны Францомъ самымъ точнымъ образомъ. Призывая это мнѣніе, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать за неподлежащій никакому сомнѣнію фактъ сообщаемое Францею обстоятельство ⁷⁾, что Сербы оказали помощь Туркамъ въ завоеваніи Константино-

¹⁾ Ibid., cap. XIX, стр. 408.

²⁾ Ibid., стр. 424.

³⁾ Ibid., cap. XXII, стр. 430.

⁴⁾ Предисловіе къ „хроникѣ“, стр. 5, edit. Bonnac.

⁵⁾ *Fabricii*, Bibliotheca Graeca, т. VIII, стр. 75.

⁶⁾ Мнѣнія эти приведены въ *Hanckius*, De scriptoribus historiae Byzantinae, стр. 667.

⁷⁾ Φρατζῆς, lib. IV, стр. 326 (ed. Bon.).

поля. Впрочемъ, Аллэцій въ замѣчаніи въ Акрополиту говоритъ ¹⁾, что Франца выписываетъ многое изъ „Исторіи“ Никифора Григоры, повторяетъ даже его ошибки, при чемъ только иначе сопоставляетъ факты. Если вѣрно это мнѣніе, то оно можетъ быть примѣнимо только къ первымъ книгамъ его „хроникъ“, къ изложенію событій до 1359 г.; остальная же часть въ особенности тѣ книги, въ которыхъ излагаются событія XV в.) представляетъ вполне самостоятельный трудъ и важный источникъ для исторіи Византіи и въ частности южныхъ Славянъ. Какъ свидѣтель событій, въ теченіе сорока лѣтъ принимавшій въ нихъ самое дѣятельное участіе, Георгій Франца сообщаетъ въ своей „хроникѣ“ самыя точныя свѣдѣнія о современной ему эпохѣ.

Серьезно вникая въ текуція событія, Франца сумѣлъ составить вѣрный взглядъ на предстоящую участь своего отечества, который проходитъ чрезъ всю его „хронику“. Какъ на самый ясный примѣръ этого, я укажу на слѣдующее свидѣтельство, имъ же сообщаемое: На завлеченіе владѣтеля Трапезунта, по случаю смерти султана Мурата II: „теперь настало счастливое для Византіи время“, Франца дѣлаетъ свое замѣчаніе, совсѣмъ несогласное съ мнѣніемъ трапезунтскаго владѣтеля: въ смерти султана Мурата II онъ видитъ несчастіе для Византіи; это свое замѣчаніе Франца основывалъ на близкомъ знакомствѣ съ характерами Мурата II и его преемника Мехемета ²⁾; онъ понималъ, что честолюбивый преемникъ Мурата II Мехеметь не замедлитъ окончательнымъ покореніемъ не только Византійской имперіи, но и всего Балканскаго полуострова; онъ понималъ, что христіане должны искать себѣ союзниковъ противъ Турокъ въ западно-европейскихъ государяхъ исповѣдывавшихъ католическую вѣру и въ своей „хроникѣ“ указалъ самое вѣрное средство для снисканія ихъ союза то-есть уніа греческой церкви съ латинскою ³⁾. Правда, Франца даетъ замѣтить, что это не его собственное мнѣніе, а мнѣніе Византійскаго императора Мануила II Палеолога; онъ говоритъ, что Мануиль II, лежа на смертномъ одрѣ, совѣтовалъ своему сыну и послѣднику Іоанну VI

¹⁾ *Fabricii, Bibliotheca Graeca, т. VIII.*

²⁾ *Францѣс, lib. III, cap. I, стр. 211: διότι ὁ τεθνηκώς ἀμάρᾳς ἢ γέρων καὶ τὸ κατὰ τῆς πόλεως ἀπεπειράσθη αὐτῷ καὶ οὐκέτι ἐβούλετο ἐγχειρισθῆναι τι κατὰ αὐτῆς, ἀλλὰ μόνον ἤθελε μάλλον εἰρηνεύειν. ὁ δὲ νῦν γεγονώς ἐστὶ νέος καὶ παιδιόθεν, ἐχθρὸς ἦν τῶν χριστιανῶν πρὸς τὸ ὑβρίζειν καὶ ἐπαπειλεῖν αὐτοῦς: λέγων ὅτι όταν καιρὸν εὖρη ἐπιτήδειον καὶ τὴν τῆς βασιλείας ἐξουσίαν εἰς χεῖρας λήψῃται, τὴν ἀρχὴν τῶν Ῥωμαίων καὶ πάντων χριστιανῶν ἔχει ἐξολοθρευσαὶ καὶ ἀφανίσει.*

³⁾ *Idib. lib. II, cap. XIII.*

принять унію церквей, но этотъ совершенно отказался отъ подобной мѣры. Вотъ какъ передаетъ Франца слова Мануила: „Юнаго Іоанна увлекаетъ возвышенное чувство независимости, свѣжія силы и благородное недовольство подобнымъ порядкомъ вещей; но къ сожалѣнію, несчастное положеніе нашего времени не даетъ никакого мѣста героическому мужеству и величію: не императоръ, а осторожный правитель, годится въ настоящемъ нашемъ положеніи; меня никакъ не оставляетъ опасеніе, что горячность моего сына причинитъ гибель нашему дому и сама религія (то-есть, православіе) ускоритъ паденіе ничтожнаго государства“. Указаніемъ этого едипственнаго средства спасенія Византійской имперіи отъ покоренія ея Турками Франца сходенъ съ современнымъ ему византійскимъ лѣтописцемъ Дукою.

Относительно хронологіи „хроника“ Франца болѣе вѣрна, чѣмъ „хроника“ современнаго ему византійскаго лѣтописца Дуки. Кромѣ этой пространной хроники, Франца написалъ еще краткую хронику своего времени. Объ изданіяхъ произведеній Георгія Франца см. статью R. Nicolai: *Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur*, помѣщенную въ *Allgemeine Encyklopedie der Vissensshaften und Künste*, издаваемой Эршемъ и Грuberомъ, erste Section, № 87, стр. 327.

Іоаннъ Дука (Ἰωάννης ὁ Δούκας). Изъ отрывочныхъ свѣдѣній, разсѣянныхъ Дукою въ его „Исторіи“ Византіи, достаточно выясняется его жизнь и дѣятельность. Іоаннъ Дука, происходя изъ императорской фамиліи „Дуковъ“¹⁾, не могъ не интересоваться управленіемъ своего отечества. По даннымъ, заимствованнымъ изъ его же „исторіи“, онъ началъ свою дѣятельность въ Фокеѣ (вѣроятно, родинѣ), гдѣ имѣлъ свой собственный домъ²⁾; правитель Фокеи Іоаннъ Адурнъ пригласилъ его, какъ человѣка образованнаго, принять участіе въ управленіи этою областью. Кажется, онъ занималъ должность секретаря при этомъ правителѣ Фокеи, какъ то можно заключать изъ его собственныхъ словъ, что „онъ самъ писалъ грамоты, отправленные Адурномъ къ Мурату II, съ цѣлью возобновить дружественныя съ нимъ отношенія, какія были съ его предшественникомъ Мехеметомъ³⁾“.

¹⁾ Δούκας, сар. IV, стр. 23 (*Corpus scriptorum hist. Byzantinae*, ed. Bonnac) ἐμός κάππος... Μιχαὴλ Δούκας; тотъ самый Михаилъ Дука, который принималъ участіе въ гражданской войнѣ, во время регентства Іоанна Кантакузена; чело-вѣкъ образованный.

²⁾ Ibid., сар. XXV, стр. 163: ἐν ἡ (Φωκαίᾳ) καὶ οἰκίαν κέκτημαι.

³⁾ Ibid., сар. XXV: Ἀδούρνος στέλλει γραφάς, τὰς ἃς ἐγὼ γέγραφα.

Затѣмъ, видимъ нашего лѣтописца Дуку въ Константинополь, въ моментъ покоренія этого города Турками ¹⁾. Послѣ паденія Константинополя (1453 г.), Иоаннъ Дука со многими бѣглецами бѣжалъ на островъ Лесбосъ, къ правителю этого острова, Дорину Кателюзію, которымъ былъ принятъ и возведенъ въ званіе министра двора ²⁾. Опытностью и образованностью Дуки Доринъ Кателюзій и его преемники пользовались, когда представлялась настоятельная потребность отправлять посла къ султану. И Дука всегда удачно исполнялъ такіе порученія. 1455 г., Доринъ Кателюзій два раза посылалъ Дуку въ Константинополь къ султану Мехемету II для переговоровъ, результатомъ которыхъ было установленіе дружественныхъ отношеній Кателюзіи съ султаномъ: послѣднему Кателюзій долженъ былъ вносить дань ³⁾. По смерти Дорина Кателюзія (30-го іюня 1455 г.), преемникъ его сынъ Доминикъ Кателюзій, принявшій управление Лесбосомъ 1-го августа 1455 года ⁴⁾, также относился къ Дуку съ должнымъ уваженіемъ; онъ также отправлялъ Дуку посломъ къ султану Мехемету II, именно сейчасъ же, по вступленіи во владѣніе Лесбосомъ (1455 г.), для полученія отъ султана утвержденія на это владѣніе; вслѣдъ затѣмъ, когда это утвержденіе состоялось, по требованію султана, Доминикъ Кателюзій самъ лично отправился къ двору султана, въ сопровожденіи нашего лѣтописца ⁵⁾. Въ 1356 (6964) г. Дука приноситъ султану причитающуюся съ владѣтеля о. Лесбоса годовую дань въ то самое время, какъ султанъ едва только возвратился въ Адрианополь изъ неудачнаго для него похода на Венгерцевъ ⁶⁾. Послѣ покоренія о. Лесбоса Турками (1462 = 6971 г. въ сентябрѣ), при владѣтелѣ Николаѣ Кателюзіи ⁷⁾, Дука ушелъ въ Италію, гдѣ принялся за написаніе „Исторіи“ Византіи. Къ написанію „Исторіи“ побудила его надежда на возстановленіе своего рода на византійскомъ престолѣ. Такъ, въ своей „Исторіи“ онъ говоритъ ⁸⁾, что принялся за составленіе ея единственно потому, что ему не разъ приходилось

¹⁾ Ibid., сар. XXXVII.

²⁾ Ibid., сар. V и XLIII.

³⁾ Ibid., сар. XLIII, стр. 321 и 326 и сар. XLIV, стр. 328, 334.

⁴⁾ Доминикъ убитъ братомъ Николаемъ въ 1458 г. (Ibid., сар. XLV).

⁵⁾ Ibid., сар. XLIV, стр. 329—30.

⁶⁾ Ibid., сар. XLV, стр. 337; это — пориженіе его подъ Визградомъ.

⁷⁾ Ibid., сар. XLV, стр. 345; этотъ Николай убилъ своего брата Доминика въ 1458 г.

⁸⁾ Ibid., сар. XLII, стр. 318—19.

слышать отъ стариковъ, что тиранія Османовъ окончится съ прекращеніемъ династіи Палеологовъ; династія же Палеологовъ, послѣ занятія Турками Константинополя и Пелопоннеса, клонилась къ вымиранию; слѣдовало затѣмъ ожидать скорого уничтоженія Турокъ, послѣ чего должно было послѣдовать восстановленіе династіи „Луки“ на византійскомъ престолѣ. Въ своей „Исторіи“ Византін Дука, послѣ краткаго очерка всемірной исторіи отъ Адама до начала раздора между Иоанномъ Кантакузеномъ и императрицей Анною ¹⁾, довольно подробно излагаетъ событія изъ періода съ 1341 по 1462 г., то-есть, отъ смерти Андроника Палеолога младшаго до завоеванія о. Лесбоса Турками ²⁾. „Исторія“ Дуки можетъ быть разсматриваема, по мнѣнію Николаи ³⁾, какъ продолженіе „Исторіи“ Иоанна Кантакузена.

Не смотря на то, что Иоаннъ Дука въ своей „Исторіи“ говоритъ о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ ⁴⁾, или могъ получить о нихъ самыя вѣрныя свѣдѣнія, какъ лицо близко стоявшее къ управленію ⁵⁾, пользоваться имъ слѣдуетъ осторожно. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе ученыхъ, касавшихся этого лѣтописца: Яковъ Каро говоритъ, наприимѣръ, что прежде чѣмъ пользоваться Дукою, нужно узнать тѣ источники, которыми онъ пользовался ⁶⁾. Р. Николаи въ своей статьѣ говоритъ, что Дука испыталъ много несчастій, которыя, однако, не привели его къ правильному взгляду на событія и причины ихъ: онъ часто излагаетъ факты безъ критики, хотя не безъ морали ⁷⁾, и съ мрачнымъ взглядомъ на вѣроломство Грековъ по отношенію къ западно-европейскимъ сосѣдямъ вообще и въ частности, конечно, къ южнымъ Славянамъ. Поражая политику недоувѣрія между христіанскими державами, заставившую ихъ дѣйствовать другъ противъ

¹⁾ Главы I—IV.

²⁾ Δούκας; Bibliotheca Graeca Fabricii, т. VIII, стр. 33.

³⁾ R. Nicolai, Geschichte der byzant. neugriech. Literatur.

⁴⁾ Такъ, разказывая объ уничтоженіи Турками въ Виссюрѣ, поблизи укрѣпленія, возвышеннаго султаномъ Муратомъ, одного венеціанскаго корабля, Дука дѣлаетъ замѣчаніе, что онъ самъ видѣлъ трупы убитыхъ людей этого корабля, и что былъ вблизи башенъ вышеупомянутаго укрѣпленія (Δούκας, сар. XXXV, стр. 248: οὗς καὶ ἴδον ἐγὼ μετ' ἡμέρας ὀλίγας ἐκεῖ διαγομένου μου).

⁵⁾ Дука нерѣдко дѣлаетъ замѣчаніе такого рода, что онъ такъ слышалъ отъ другихъ (Δούκας, сар. XXXIX, стр. 287: καὶ γὰρ μετὰ τὸν πόλεμον ἐνέτοχον ἐγὼ πολλοῖς, καὶ διηγήσαντό μοι); иногда изъ текста обнаруживается, что онъ пользовался грамотами (Δούκας, сар. XXV, стр. 165).

⁶⁾ Jacob Caro, Geschichte Polens, ч. IV, стр. 346 (подстрочное примѣчаніе).

⁷⁾ R. Nicolai, въ упомянутой уже статьѣ.

друга въ союзѣ съ Турками, Дука замѣчаетъ, что „вслѣдствіе этой ошибки, погибли Болгаре, Сербы, Греки и Угры, и сама Венеція приведена въ стѣсненное положеніе чрезъ потерю острова Кипра“¹⁾. Причина нападокъ Дуки на вѣроломство Грековъ кроется въ томъ, что онъ былъ ревностный христіанинъ, и какъ кажется, искренно усердствовалъ о соединеніи греческой церкви съ латинскою, между тѣмъ какъ нерѣдкія попытки по этому предмету кончались ничѣмъ, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. Эта склонность Дуки къ униіи церквей проглядываетъ во всей его „Исторіи“; но всего рельефнѣе выступаетъ она при описаніи осады Константинополя (1453 г.). Разказывая о прибытіи папскаго легата въ Константинополь незадолго предъ его паденіемъ, съ цѣлью заключенія униіи церквей, Дука дѣлаетъ замѣчаніе, что „благоразумные мужи“ (τινες τῶν ἄλλοτρίμων) изъ собранія въ Софійскомъ храмѣ удостоили своимъ вниманіемъ рѣчь кардинала и согласились на унию²⁾; при этомъ онъ дѣлаетъ нападки на Геннадія, монаха монастыря Папτοкратора, который своимъ рѣшительнымъ вліяніемъ вооружилъ массу народа противъ этого рѣшенія „благоразумныхъ мужей“.

Обращаясь къ опредѣленію значенія Дуки для исторіи южныхъ Славянъ, замѣтимъ прежде всего, что во многомъ можно вѣрить ему, принявъ предварительно въ соображеніе свѣдѣнія другихъ современныхъ ему лѣтописцевъ. Но нельзя не пожалѣть, что онъ, задавшись цѣлью написать „Исторію“ только Византіи, да и то съ извѣстною тенденціей, очень тщательно выполняетъ свою задачу, и потому о многихъ событіяхъ изъ исторіи южныхъ Славянъ, которыхъ онъ былъ не только современникомъ, но нерѣдко и очевидцемъ, умалчиваетъ, или ограничивается однимъ только упоминаніемъ о нихъ или даже намекомъ. Въ подтвержденіе послѣдняго я приведу слѣдующіе два факта изъ его „Исторіи“: 1) О пораженіи султана Мехмеда подъ Вѣлградомъ (1456 г.) Дука упоминаетъ только, что битва эта происходила въ іюль мѣсяцѣ³⁾, хотя могъ бы сообщить больше подробностей, такъ какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, послѣ возвращенія султана изъ-подъ

¹⁾ Δουκας, сар. XXIII; точно также въ главѣ XXV, говоря о возобновленіи владѣтелемъ Фокии дружественныхъ отношеній съ султаномъ Муратомъ II, Дука какъ бы съ укоромъ замѣчаетъ, что владѣтель Фокии дѣлаетъ это «ἐνεκα χέρδους αὐτοῦ, διὰ πολλῶν δὲ Χριστιανῶν βλάβην».

²⁾ Ibid., стр. 255: ἔστερξαν τὸν τῆς ἐνωσέως ὄρον.

³⁾ Ibid. сар. XLV, стр. 337: ὁ δὲ τύραννος κατήσχυμένος ὑποστρέψας κατὰ τοῦ Βελογράδου στρατεύσασι. ἦσαν δὲ ταῦτα γινόμενα μηνὶ Ἰουλίῳ αὐτοῦ ἔτους.

Вѣлграда, онъ явился къ нему съ данью отъ правителя о. Лесбоса: нельзя въ самомъ дѣлѣ предположить, чтобъ онъ не слышалъ какихъ-нибудь разказовъ объ этомъ походѣ отъ Турокъ. 2) Точно также, разказывая о пришествіи къ султану, правителя о. Лесбоса, Доминика Кателюзія, котораго самъ сопровождалъ, онъ ограничивается однимъ уноминаніемъ, что нашли они султана въ болгарской деревнѣ Ицлати, гдѣ Турки стояли лагеремъ ¹⁾, но не сообщаетъ, съ какою цѣлью султанъ двинулся съ войскомъ изъ своей столицы Адрианополя въ деревню Ицлати, и куда думалъ направить оттуда свой путь. Не находи отвѣта на эти вопросы у Дуки, приходится прибѣгнуть къ сопоставленію другихъ фактовъ и на основаніи этого сопоставленія предположить, что походъ султана былъ предпринятъ противъ Сербіи.

Впервые „Исторію“ Іоанна Дуки издалъ Исмаилъ Буллиальдъ съ своими очень важными примѣчаніями. Буллиальдъ присоединилъ къ ней въ своемъ изданіи „*χρόνικον σύντομον*“ одного Грека изъ Кефалонійской Зеты, подданнаго Венеціанской республики. Хроника эта заключаетъ въ себѣ краткія свѣдѣнія, касающіяся исторіи Грековъ, Турокъ и Венеціанцевъ, съ 1089 по 1522 г.; составлена она, по мнѣнію Р. Николаи, безъ всякой критики.

Іоаннъ Анагностъ (*Ἰωάννου Ἀναγνώστου διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης συντεθεῖσα πρὸς τινὰ τῶν ἀξιολόγων πολλὰκις ἀτιθήσαστα περὶ ταύτης ἐν ἐπιτομῇ*) ²⁾. Какъ видно изъ заглавія и начала самаго произведенія, Іоаннъ Анагностъ написалъ этотъ разказъ для какого-то почтеннаго мужа [имени его не обозначено, но по заключительнымъ словамъ повѣствованія можно догадываться, что это лицо было духовнаго сана], который постоянно требовалъ отъ него точной повѣсти о завоеваніи Турками важнаго греческаго города Θεσσαλονίκη (1430=6938 г.) ³⁾. Подобно другимъ византійскимъ лѣтописцамъ, Анагностъ изукрасилъ свой разказъ ненужными сравненіями, но при этомъ все-таки сообщаетъ такіа подробности изъ осады Оссалоникъ Турками, которыя обличаютъ въ немъ не только современника событія, но и очевидца, бывшаго въ Θεσσαλονикахъ въ моментъ приступа султана къ городу съ огромнымъ войскомъ, заня-

¹⁾ Ibid. cap. XLIV, стр. 330.

²⁾ Изд. въ *Cogrus scriptorum historiae Byz.*, въ одномъ томѣ съ лѣтописцемъ Францею.

³⁾ *Ἀναγνώστου*, стр. 507.

тія города ¹⁾ и раздѣленія его на части, далеко неравныя, между завоевателями Турками и туземными жителями. Поселеніе Турокъ въ Θεσσαλονικαῖαхъ, по волѣ побѣдителя султана Мурата, сильно возмущаетъ Анагноста; онъ разказываетъ, какъ послѣ завоеванія Турками Θεσσαλονικῆς султанъ сдѣлалъ подробную перепись, отнялъ у христіанъ храмы (крошъ четырехъ), дома и поселилъ въ нихъ тысячи Турокъ; чрезъ это городъ лишился прежней своей славы. Въ виду всего этого, Анагностъ восклицаетъ: „Лучше было бы, еслибы городъ вовсе не поднимался изъ развалинъ, чѣмъ видѣть его теперь въ такомъ видѣ“ ²⁾. Изъ тона рѣчи видно, что авторъ былъ лицо духовное.

Не смотря на то, что Анагностъ былъ очевидцемъ событія, онъ не передалъ всего такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ; онъ же самъ высказываетъ и причину того: „Нѣчто“, говоритъ онъ, — „мы умолчали по своему желанію, такъ какъ того требовало время, а нѣчто по нашей слабости“ ³⁾. Намъ кажется, что эта же причина служить объясненіемъ, почему Анагностъ ничего не говоритъ объ измѣнѣ родному городу монаховъ одного монастыря у Хортиата, о которой сообщаетъ авторъ римованной хроники XVI в.: Ἰεραχὸς χρονικὸν περὶ τῆς τῶν Τοῦρκων βασιλείας ⁴⁾. Но уже изъ одного того факта, что Анагностъ, подобно Іераку, сообщаетъ, что султанъ Муратъ II началъ осаду Θεσσαλονικῆς съ той стороны, гдѣ былъ Хортиатскій монастырь ⁵⁾ (то-есть, у горы Хортиата), можно заключать, что и Анагносту былъ не безызвѣстенъ слухъ объ этой измѣнѣ. Замѣтить, впрочемъ, слѣдуетъ, что онъ главную вину паденія города сваливаетъ на латинянъ, которые ушли отъ стѣнъ города несвоевременно, — въ то самое время, какъ непріятель усилилъ свой штурмъ ⁶⁾.

Памятникъ этотъ почти не имѣетъ значенія для исторіи южныхъ Славянъ. Только по одному довольно важному свѣдѣнію

¹⁾ См., напримѣръ, гл. 14, стр. 510, гдѣ Іоаннъ описываетъ, какъ Турки содержали 7,000 плѣнныхъ Θεσσαλονικίαιцевъ (обою пола) въ тѣсномъ мѣстѣ.

²⁾ Ἀναγν., стр. 525: τοῦτο γὰρ ἀνεχτότερον, ἔπει τοὶ γε βέλτιον τοῦ τοιαύτου ὄρασθαι τὸ μὴδ' ὀπωροῦν ἐπὶ γῆς ἐστάναι.

³⁾ Ibid., cap. 22, стр. 527.

⁴⁾ Изд. въ Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη ἐπιμετασιᾷ К. Н. Сафи, т. А.; ἐν Βενετίᾳ, 1872 г., стр. 245—268. См. наше замѣчаніе объ этой хроникѣ въ Ж. М. П. Просв., 1877 г., апрѣль.

⁵⁾ Ἀναγностης, cap. II, стр. 503.

⁶⁾ Ibid. См. первую главу.

можно ставить его въ число источниковъ для южно-славянской исторіи вмѣстѣ съ другими византійскими лѣтописцами: это — упоминаніе о томъ, что много плѣнныхъ Фессалоникійцевъ было выкуплено изъ турецкаго плѣна Сербскимъ деспотомъ (Юріемъ I Бранковичемъ), которому Анагностъ приписываетъ хорошее качество—оказывать помощь бѣднымъ ¹⁾. Мы относимся съ полнымъ довѣріемъ къ этому свидѣтельству Анагноста, въ виду того, что Іоаннъ Дука свидѣтельствуется ²⁾ о подобномъ выкупѣ плѣнныхъ Грековъ тѣмъ же сербскимъ деспотомъ, послѣ запятія Турками Константинополя (1453 г.).

Ближайшимъ слѣдствіемъ паденія Константинополя было передвиженіе культуры съ востока на западъ, съ размалнивъ нѣкогда величественной Византійской имперіи въ Италію и Сицилію. Византійскіе ученые съ рукописями греческихъ классиковъ, философовъ, отцовъ церкви ушли въ Италію, гдѣ положили начало возрожденію наукъ ³⁾. Нѣкоторымъ изъ просвѣщенныхъ византійскихъ ученыхъ, хранителямъ греческой образованности, не могло не представиться самымъ очевиднымъ образомъ, что науки при тогдашнемъ положеніи Византіи не могли въ пей развиваться; классическія произведенія предковъ не вдохновляли болѣе изнѣженныхъ Византійцевъ, а лишь обогащали архивы. Нѣкоторымъ изъ ревнителей науки не могло также не представляться совершившимся фактомъ процвѣтаніе наукъ подъ другимъ небомъ. Поэтому, вполне естественно появленіе богатыхъ коллекцій греческихъ рукописей, какъ доказательство предусмотрительной заботливости византійскихъ ученыхъ; такова, напримѣръ, богатѣйшая коллекція греческихъ рукописей Константина Ласкариса, которая донынѣ хранится въ Эскуріальской бібліотекѣ. Въ новомъ отечествѣ византійскіе ученые, пользуясь полнымъ спокойствіемъ и подоспѣвшимъ къ тому времени изобрѣтеніемъ книгопечатанія, издавали принесенныя ими рукописи, которыя расходились во множествѣ экземпляровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеи, выработанныя древними греческими философами, стали распространяться между Италіанцами. Въ

¹⁾ Ibid., гл. 19, стр. 521: ἡλευθέρωνται καὶ γὰρ ἱκανοὶ πολλῶν θεοφιλῶν ὑπὲρ ἀναρρόσσεως ἡμῶν προθύμως κεινημένων, καὶ μάλιστα τοῦ τῶν Σέρβων ἀρχοντος φ τῶν ἄλλων αὐτοῦ πλεονεχτημάτων ἐξαιρετον ἢ πρὸς τοὺς δεομένους ἐστὶν εὐπορία ἐλάχιστη. χρυσίον καὶ γὰρ οὗτός τιςιν οἷς ἐθρήσει χειρίσας ἐπ' ἐλευθερίᾳ τῶν αἰχμαλώτων τοῦτο δαθῆναι παρεκελεύσατο.

²⁾ Δοῦκας, сар. XLII, стр. 315; Юріѣ I Бранковичъ въ то время выкупилъ 100 монахинь и нѣкоторое число знатныхъ Грековъ.

³⁾ Подобное мнѣніе высказываетъ и Дука (сар. XLII, стр. 312).

числѣ этихъ византійскихъ ученыхъ были потомки вліятельнаго рода Халкокондила, который изъ Аѳинъ перешелъ въ Италію около 1460 года ¹⁾; здѣсь этотъ родъ возвысился въ лицѣ Димитрія Халкокондила, занявшагося въ Италіи—сначала во Флоренціи, а затѣмъ въ Миланѣ, распространеніемъ греческаго языка и литературы, при чемъ онъ имѣлъ, по свидѣтельству Антона Калосина ²⁾, большіе успѣхи. Изъ Италіи (по Аппендини, изъ Флоренціи) Димитрій Халкокондилъ былъ вызванъ, по рѣшенію дубровницкаго совѣта, въ Дубровникъ, для распространенія греческаго и латинскаго языковъ съ содержаніемъ въ 500 перперовъ въ годъ ³⁾.

Большо останавливаетъ наше вниманіе братъ Димитрія, Лаоникъ (Николай) Халкокондилъ [*Λαόνικος ὁ Χαλκωνδόλης*, правильнѣе *Χαλκοκωνδόλης*] ⁴⁾, оставившій послѣ себя очень важный для исторіи южныхъ Славянъ трудъ: 10 ἀποδείξεις ἱστοριῶν. Что извѣстно о самомъ Николаѣ Халкокондилѣ и его отцѣ? Изъ „Исторіи“ Николая Халкокондила узнаемъ, что отецъ его игралъ въ Пелопоннесѣ важную роль; онъ былъ родственникомъ вдовы правителя Пелопоннеса Антона, отнявшаго власть отъ Неріо. По смерти Антона, вдова Неріо требовала отъ султана Мурата II, чтобъ онъ передалъ управленіе странюю въ руки ея и достойнѣйшаго мужа, каковымъ оказался отецъ Николая Халкокондила ⁵⁾. Впрочемъ, этотъ планъ не удался, вслѣдствіе зависти сторонниковъ умершаго Неріо: Халкокондилъ (отецъ) былъ посаженъ султаномъ въ темницу, изъ которой былъ освобожденъ послѣ того, какъ сдѣлано было обѣщаніе внести выкупъ, сум-

¹⁾ *R. Nicolai*, Geschichte der byz. und neugriech. Literatur въ Encyclopedie *Эриа* и *Грубера*, erste Section, № 87, стр. 327.

²⁾ Ἀντωνίου τοῦ Καλοσυνᾶ... εἰς τὸν βίον τοῦ Χαλκοκωνδόλου, изд. въ Chroniques Gréco-Romaines par *Charles Hopf*. 1873 г., стр. 244; Антонъ Калосина говоритъ, что Димитрій Халкокондилъ первый внесъ во Флоренцію греческія науки и имѣлъ здѣсь много учениковъ; отсюда онъ перешелъ въ Миланъ; умеръ въ 1511 г.

³⁾ *Appendini*, Notizie storico-critiche, ч. I, стр. 204, ч. II, стр. 317: ad docendum Litteras graecas et latinas... cum salario hyperperorum 500 in anno.

⁴⁾ Съ этимъ чтеніемъ согласенъ и текстъ, см. edit. Bonnæ, стр. 320—321, 343.

⁵⁾ Χαλκωνδόλης, lib. VI, стр. 169 (edit. Paris.), — edit. Bon. стр. 320, — edit. *Мини* (Patrologiæ cursus completus... стр. 317: ἐπεὶ δὲ ἐτελεύτησεν Ἀντώνιος, ὑπὸ εὐξείας ἀποκινύεις (исправл. издателямъ: ἀποκληξίας ἀποκληγείς) κατὰ τὸν ὕπνον ἢ τε γυνὴ αὐτοῦ ἔπαμπεν εἰς βασιλεῖα τὴν ἀρχὴν ἐπιτραπήναι αὐτῇ, τε, καὶ τῷ τῆς πόλεως ἀμείνονι, αὐαυτῆς δὲ προσήκοντι, πατρὶ δὲ ἡμετέρῳ.

момъ въ 30,000 золотыхъ ¹⁾). Намъ ничего больше неизвѣстно о Халкокондилѣ (отцѣ) равно также неизвѣстно, имѣлъ ли онъ вліяніе на нашего лѣтописца, хотя и можемъ признать это несомнѣннымъ. „Достоинѣйшій мужъ“ Целопопнескаго деспотства не могъ не позаботиться объ образованіи своихъ сыновей. Вотъ что Автопъ Калосина сообщаетъ объ образованіи нашего лѣтописца: Νικόλαος Χαλκιδεύλος, Ἀθηναῖος, ὃς ἐπικληθεὶς Λαοδικεὺς (Λαόνικος) ἀνὴρ ἀμιοστέπως περιβόητος ὑπὸ τῆς ἄγαν σπουδῆς τε καὶ εὐφροίας αὐτοῦ εἰς τὴν τῶν λογογράφων τε καὶ ῥητόρων, τῶν φιλοσόφων τοῦ μαθήματος τούτου προιστησῶν, ὅπως δῆποτε εὐδοκίμων ²⁾). Естественно поэтому, что человѣкъ съ такимъ образованіемъ долженъ былъ сильно позмущаться, когда, послѣ наденіи Константинополя, тираннія Турокъ проникла всюду въ предѣлахъ Византійской имперіи; Лаоникъ (Николай) Халкокондилъ былъ тронутъ, по свидѣтельству Калосина ³⁾, этимъ несчастіемъ до такой степени, что свою жизнь ставилъ ниже греческой философіи; онъ сталъ съ рвеніемъ заниматься философіей и распространеніемъ эллинскихъ ученій, противъ которыхъ въ то время были еще предубѣждены.

Образованіемъ Николай Халкокондила по преминули воспользоваться деспоты Целопопнеса. Въ 1446 г., при нападѣніи султана Мурата II на Гексамиліонъ, Николай Халкокондилъ былъ посылаемъ деспотомъ Константиномъ (впослѣдствіи Византійскій императоръ Константинъ XI) къ султану съ предложеніемъ мира; посолъ отъ имени деспота уступалъ султану Среднюю Грецію, но этотъ не согласился на миръ, посадилъ посла подъ стражу въ Сересѣ ⁴⁾ и по прежнему продолжалъ свои военныя дѣйствія противъ Целопопнеса. Второе посольство Николай Халкокондилъ правилъ къ Драгашу; о немъ намъ ничего неизвѣстно ⁵⁾. Другихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности нашего лѣ-

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Cf. Hof, Chroniques Gréco-Romaines*, стр. 243: Ἀντωνίου τοῦ Καλοσυνᾶ ἱατροῦ φυσικοῦ προοίμιον καὶ εἰς τὸν βίον τοῦ Χαλκιδεύλου.

³⁾ Ibid., стр. 244.

⁴⁾ Χαλκιδεύλος, lib. VII, стр. 181 (edit. Paris), 337 (edit. Bonnae): ἦν. δὲ ὁ πρέσβεις Χαλκιδεύλος Ἀθηναῖος... Елиссенъ находитъ возможнымъ сомнѣваться въ томъ, былъ ли это нашъ лѣтописецъ; ссылаясь на разказъ Халкокондила объ этомъ событіи, онъ говоритъ, что изъ него можно сдѣлать иное заключеніе, но какое—не говоритъ. *Гиммеръ Geschichte des osmanischen Reiches*, стр. 469) принимаетъ, что это былъ нашъ лѣтописецъ.

⁵⁾ *R. Nicolai* говоритъ, что онъ былъ въ плену у Драгаша (статья его въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, № 87, стр. 327.

тописца нѣтъ никакихъ. По мнѣнію Воссія ¹⁾, Лаоникъ Халкокондилъ жилъ до 1490 г. Ему, такимъ образомъ, суждено было быть современникомъ паденія имперіи и низверженія обѣихъ послѣднихъ императорскихъ династій—Палеологовъ въ Константинополь (1453 г.) и Целопоннесъ (1460) и великихъ Комненовъ въ Трапезунтъ (1461 г.).

Нельзя не предположить, что подобное стеченіе обстоятельствъ произвело свое вліяніе на написаніе имъ „Исторіи“: 10 ἀποδείξαι ἱστορίων [называемой обыкновенно: *de rebus Turcicis, libri X*], представляющей очеркъ постоянно возрастающей силы Турокъ и постоянно унадавшей силы Грековъ, въ періодъ времени отъ 1298, съ возвышенія Турокъ, подъ предводительствомъ Османа, до побѣды султана Мехемета II надъ Венеціанцами и Венгерскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ (1363 г.). Вслѣдствіе такой постановки задачи, „Исторія“ Халкокондила представляетъ много поучительнаго и интереснаго, но только взгляду автора недостаетъ одной внутренней связи: онъ то слишкомъ пространенъ (*lib. VIII, cap. IX и X*), то излагаетъ слишкомъ кратко, отдѣльными фрагментами нерѣдко, начавъ разказъ о какомъ-нибудь событіи изъ исторіи извѣстнаго народа, вдругъ прерываетъ рѣчь и вдается въ подробное описаніе (географическое и этнографическое) этого народа, а затѣмъ опять повторяетъ то, что уже было сказано, не сдѣлавъ оговорки. Отъ того, для непривычнаго къ подобному изложенію этого лѣтописца, или лучше сказать, для незнакомаго съ тѣмъ предметомъ, о которомъ „Исторія“ его повѣствуетъ, главный предметъ мимо поля теряется во множествѣ эпизодовъ, въ географическихъ описаніяхъ, и въ концѣ концовъ, по замѣчанію Р. Николаи, становится неяснымъ, раньше или позже совершилось извѣстное событіе. Но такая неопредѣленность, позволяю себѣ повторить, можетъ возникнуть только у того, кто не ознакомленъ съ предметомъ. Слова нѣтъ, что это большой недостатокъ. Николай Халкокондилъ обнаруживаетъ такимъ образомъ, что онъ очень далекъ отъ законовъ исторической критики и историческаго повѣствованія. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать и той трудности, какая представляется при составленіи исторіи такихъ событій и эпохъ, для которыхъ вообще нѣтъ вполне удовлетворительныхъ источниковъ. Тутъ, на каждомъ шагу приходится дѣлать предположенія и въ тоже время воздерживаться отъ аподиктическихъ сужденій, предоставляя другимъ рѣшать по ихъ собственному мнѣнію. Изре-

¹⁾ *Fabricii Bibliotheca Graeca*, т. VII, cap, XIV, стр. 793.

ченія, подобныя слѣдующему: „всякій пусть судитъ по-своему объ этомъ событіи“ ¹⁾ Халкокондилъ приводитъ въ своей „Исторіи“ нерѣдко. Несмотря на всѣ эти недостатки, Николай Халкокондилъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ для исторіи южныхъ Славянъ византійскихъ лѣтописцевъ; его значеніе опредѣляетъ Vignolius Marvilius въ *Miscellaneis historico-litterariis*, т. III, стр. 56 слѣдующимъ образомъ: „Comme on ajoint Calcondyle, qui a traeté l'histoire de Turcs, aux auteurs de la Byzantine, on peut assurer, qu' il ne les deshonoré pas de se trouver a leur suite. Il a le don de reveiller notre attention, en nous donnant de la curiosité, et de ne nous pas laisser dormir sur son livre“ ²⁾. Кто желаетъ воспользоваться богатымъ матеріаломъ Николая Халкокондила, не впадая въ явное заблужденіе, тотъ долженъ предварительно основательно изучить извѣстный предметъ по другимъ источникамъ и затѣмъ уже для большаго его уясненія можетъ найти данныя въ запутанныхъ ³⁾ свѣдѣніяхъ „Исторіи“ Халкокондила. Обвиняя Халкокондила въ незнаніи первыхъ основаній исторической критики, мы должны признать за нимъ одно особенное достоинство, которое ставитъ его выше всѣхъ другихъ византійскихъ лѣтописцевъ: что онъ далекъ отъ пустаго фразерства, а всегда передаетъ только дѣло.

Къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ этимъ лѣтописцемъ, мы, по большей части, можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ. По нашему мнѣнію, онъ совершенно безпристрастенъ. Между тѣмъ, Я. Каро дѣлаетъ о Халкокондилѣ такого рода отзывъ, что „онъ нерѣдко передаетъ ложныя свѣдѣнія изъ пристрастія къ своей націи“ ⁴⁾. Намъ неизвѣстно, что заставило Каро сдѣлать подобный отзывъ. Прочитывая этого интереснаго и важнаго для исторіи южныхъ Славянъ лѣтописца, мы нерѣдко находили факты, говорящіе противъ такого обвиненія. Халкокондилу незачѣмъ было пристрастно относиться къ своей націи, въ то время уже подчиненной Туркамъ: если вышеприведенные византійскіе лѣтописцы съ прискорбіемъ смотрѣли на разлагавшіяся орга-

¹⁾ Χαλκ. lib. II, стр. 60 (edit. Bonnæ), 68 (edit. *Миня*): Ἄλλὰ ταῦτα μὲν ἦτο (ἴτω—edit. Bon.), ὅπῃ (Bon=ὅπῃ) ἐκάστῳ προσφιλῆς ἡγεῖσθαι περὶ αὐτῶν.

²⁾ *Fabricii*, Bibliotheca Græca, т. VII, стр. 793 и въ предисловіи къ изданію „Исторіи“ Халкокондила въ Патрологіи *Миня*.

³⁾ Нерѣдко Халкокондилъ приводитъ въ послѣдовательную связь такіа событія, между которыми протекло больше 20-ти лѣтъ: см. его разказъ объ осадѣ столицы Сербіи Смедерева (1439 г.) и Вьлграда (1456 г.) Χαλκ. lib. V, стр. 245 (edit. *Миня*) и 246 (edit. Bonn.).

⁴⁾ *Caro*, *ibid.* 346.

низмъ византійской имперіи и сознавали, что близокъ конецъ ея существованія (при чемъ не безъ досады отзывались о вѣроломной политикѣ византійскихъ императоровъ), то Халкокондилъ, начавшій писать свою „Исторію“ послѣ паденія имперіи, видѣлъ прямое послѣдствіе такого двусмысленнаго отношенія ихъ къ сосѣднимъ христіанскимъ государствамъ, и конечно, къ ближайшимъ сосѣдямъ—южно-славянскимъ князьямъ. Стоитъ прочесть отзывъ Халкокондила о безпокойномъ характерѣ Андроника Палеолога Младшаго, чтобъ убѣдиться, что онъ излагаетъ свою „Исторію“ безъ пристрастія къ своей націи. Этотъ Андроникъ, по выраженію нашего лѣтописца: „αὐθαδέστερος ὢν, ἢ ὅσα κείνουςθαί“, началъ споръ съ дѣдомъ и причинилъ много вреда государству: онъ, наприимѣръ, предпринималъ дѣла, не имѣющія ровно никакой цѣли. И на него Халкокондилъ взваливаетъ всю вину, что постоянно возраставшей силѣ Османовъ не было оказано въ-время сопротивление ¹⁾, вслѣдствіе чего Турками легко были заняты сначала Брусса, а затѣмъ Никея (въ Малой Азіи); Халкокондилъ сильно упрекаетъ Андроника, за то что онъ, послѣ того какъ разнеслась вѣсть о занятіи Турками Никей, не прекратилъ своего спора съ дѣдомъ ²⁾, а усилилъ его, заключивъ союзъ съ Болгарскимъ царемъ Михаиломъ; послѣдняго онъ убѣдилъ жениться на его сестрѣ, между тѣмъ, какъ предъ тѣмъ тотъ женился на сестрѣ Сербскаго царя (то-есть, Степана Душана). Въ нарушеніи Болгарскимъ царемъ Михаиломъ брачнаго союза по отношенію къ сестрѣ Сербскаго царя Халкокондилъ видитъ причину гнѣва сего послѣдняго къ Михаилу; Сербскій царь идетъ походомъ противъ него, одерживаетъ побѣду, лишаетъ его власти и возводитъ на престолъ Михайлова племянника Александра ³⁾. Халкокондилу слѣдовало при этомъ обвинить и Сербскаго царя, какъ и Андроника Младшаго въ содѣйствіи Туркамъ при ихъ усиленіи, такъ какъ этотъ походъ его не имѣлъ цѣли усилить христіанъ и ослабить Турокъ; но онъ не дѣлаетъ никакого упрека. Видно, Халкокондилъ сознавалъ, что всякому должно оказывать надлежащее уваженіе и походъ Душана на Михаила Болгарскаго оправдывалъ тѣмъ,

¹⁾ Χαλκ., стр. 28 (ed. Μινια) и 17 (ed. Βον.): Τοὺς τε Τριβαλλοὺς ἑπαγάμενος (Андроникъ младшій), καὶ Ἑλλήνων τοὺς ἀρίστους οἱ πρὸς εταρῖζόμενος, ἐς τὴν βασιλείαν, ὡς διὰ ταῦτα μὴδὲ ἔχειναι ἀποτοῖς τοπαράπαν τοὺς Τούρκους ἐς τὴν ἑυρόπλην διαβάνας ἀμόνεσθαι.

²⁾ Ibid., стр. 31 (ed. Μινια), 22 (ed. Βον.).

³⁾ Ibid.

что онъ былъ предпринять въ видахъ охраны собственной чести. Правда, онъ высказываетъ иногда патриотическія чувства къ своей націи, вѣрить, напримѣръ, что нѣкогда сила Турокъ падеть, и Греки снова получатъ свое достоинствѣ ¹⁾; по все это вполне естественно, — подобную вѣру высказываютъ всѣ греческіе выходцы изъ Византіи въ Италію, послѣ паденія Константинополя.

Признавъ за „Исторіей“ Халкокондила полное безпристрастіе, уже тѣмъ самымъ мы придаемъ ей значеніе источника первой важности. Въ своемъ трудѣ Халкокондилъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, представить, говоря словами его же предисловія: „паденіе Грековъ и быстрое возвышеніе Турокъ“; но, составляя исторію Грековъ и Османовъ, мы, говоритъ онъ, — дѣлали упоминаніе и о другихъ народахъ. Естественно поэтому, что ближайшіе сосѣди Грековъ и Османовъ, южныя Славяне нашли въ Халкокондилѣ своего историографа. Многочисленное и бодрое племя Славянъ останавливаетъ на себѣ вниманіе этого лѣтописца: ему не безмысленно, что, кромѣ южныхъ Славянъ, сосѣдей Грековъ, Славянскія племена живутъ въ большей части Европы—до Сѣвернаго Океана. Кромѣ южно-славянскихъ племенъ Трибалловъ (Сербовъ — Σερβία), Мизовъ (Болгарь — Ἰουργάροι), Иллировъ (Восняковъ ²⁾) и Далматовъ ³⁾), ему извѣстны: Поляне (Πολάνιοι), Русскіе, подъ названіемъ Сарматовъ (Σαρμάται) ⁴⁾), и собственнымъ именемъ „Русскихъ“, если онъ говоритъ, что „страна Сарматія въ послѣдствіи называется Россія“ ⁵⁾), также подъ именемъ Москвичей (Μοσχάριοι) ⁶⁾), и Чехи (Τζέχιοι, Κέχιοι ⁷⁾) и Воѣмои ⁸⁾) съ ихъ столицею Прагой (Βράγα) ⁹⁾); знаетъ онъ также, что южныя Славяне не аборигены Балканскаго полуострова, а пришли съ сѣвера первоначально въ Иллирикъ, откуда затѣмъ уже распространились въ боль-

¹⁾ См. его предисловіе къ своей «Исторіи».

²⁾ Χαλκ., lib. X. стр. 52 (ed. Миня, 530 (ed. Вон.); Ἰλλυριοὶ καλοῦνται δὲ οὗτοι τανῶν βάρσοι.

³⁾ Ib., lib. X.

⁴⁾ Ibid., стр. 44 (ed. Миня) и 35 (ed. Вон.).

⁵⁾ Ibid. Σαρματία ἢ νῦν οὕτω Ῥωσίας καλουμένη.

⁶⁾ Ibid., lib. III, стр. 136 (ed. Миня) и 131 (edit. Вон.); тутъ онъ упоминаетъ и городъ Кіевъ (Κίεβος).

⁷⁾ Ibid., lib. V, стр. 257 (ed. Миня) и 255 (ed. Вон.).

⁸⁾ Ibid. стр. 80 (ed. Миня) и 72 (ed. Вон.).

⁹⁾ Ibid. lib. II, стр. 77 (ed. Миня) и 70 (ed. Вон.) и lib. III, стр. 138 (ed. Миня) и 133 (ed. Вон.); есть у Богемовъ πόλις εὐδαίμων τε καὶ πολυάνθρωπος Βράγα.

шей части Византійской имперіи; онъ вѣрно назначаетъ границы между Сербскимъ и Болгарскимъ племенемъ: отъ Виддина до Евксинскаго Понта тянется Болгарское племя, коего центръ управленія въ Терновѣ; а отъ Виддина до Илирика—Сербское племя, которое, по вѣрному мнѣнію Халкокондила, вышло изъ того же Илирика. Слѣдовательно, онъ считаетъ Сербовъ и Илировъ однимъ племенемъ. Впрочемъ, о древнѣйшей исторіи Болгаръ и Сербовъ Халкокондилъ ничего не знаетъ; единичныя свѣдѣнія о политической самостоятельности этихъ племенъ восходятъ у него не раньше Болгарскаго царя Михаила и Сербскаго царя Степана (Душана). Знаетъ также Халкокондилъ о сходствѣ славянскихъ нарѣчій, когда говоритъ, что Илиры (Восняки), Далматинцы, Мизы (Болгаре), Трибаллы (Сербы) и даже Сарматы (Русскіе) употребляютъ одинъ и тотъ же языкъ, мало въ чемъ различный, такъ что они могутъ понимать другъ друга ¹⁾. Вообще Халкокондилъ, по его собственному заявленію ²⁾, общилъ въ своей „Исторіи“ о Славянахъ все, чтò только знаетъ.

Къ свѣдѣніямъ его по исторіи южныхъ Славянъ можно и должно относиться съ довѣріемъ, провѣряя ихъ свидѣтельствами другихъ византійскихъ лѣтописцевъ и сербскихъ лѣтописей. Основаніемъ для этого довѣрія можетъ отчасти служить его собственное заявленіе въ началѣ его „Исторіи“, что онъ записалъ многое, какъ современникъ и очевидецъ, а много также по разказамъ другихъ ³⁾. Сообщенія другихъ онъ, по большей части, отмѣчаетъ въ своей „Исторіи“ ⁴⁾.

Наконцѣ, источникомъ по исторіи южныхъ Славянъ служитъ трудъ Критобула Имбриота в): „Κριτοβούλου συγγραφή ιστοριῶν“ (De rebus gestis Mechemetis II inde ab anno 1451 usque ad annum 1467 post N. Chr.).

¹⁾ Χαλκ., lib. X, стр. 521 (ed. *Миня*) и 530 (ed. *Воп.*); Βόσνοι, Δαλμάται, καὶ Μυσοὶ ἄρα, καὶ Τριβαλλοὶ, καὶ πρὸς γε ἔτι Σαρμάται, τοῦτοις ταύτην ἰενται τὴν φωνήν, καὶ τῷ παντὶ παραπλησίαν, ὡς μὴ χαλεπῶς συνιέναι ἀλλήλων αὐτοῦς.

²⁾ Ibid., lib. I стр. 44 (ed. *Миня*) и 35 (ed. *Воп.*): Οὐκοῦν δὴ λέγεται πρὸς οὐδέων ὡστε σαφές τι περὶ αὐτῶν ἔχειν ἡμᾶς ἐς ιστορίαν ἀποδείκνυσθαι.

³⁾ Начальные слова его исторіи: Λαονίχιφ Ἀθηναίφ τῶν κατὰ τὸν βίον οἱ ἐς ἐπιθέαν τε καὶ ἀκοήν ἀφιγμένων ἐς ιστορίαν συγγράφεται τάδε.

⁴⁾ Χαλκ., стр. 32 (ed. *Миня*) и 37 (ed. *Воп.*): ἀδὲς онъ говоритъ, что, какъ я слышалъ, Болгарскій царь старѣе самого Степана (Душана); стоитъ вниманія, что Халкокондилъ называетъ Душана по чисто-народному, сербскому выговору Степаномъ, а не Стефаномъ.

⁵⁾ Κριτοβούλος ὁ νησιώτης, τὰ πρῶτα τῶν Ἰμβριωτῶν—такъ начинается Критобулъ первую книгу своей „Исторіи“.

Карль Миллеръ, издавшій въ 1870 г. этотъ памятникъ въ 1-ой части 5-го тома *Fragmenta historicorum Graecorum*, замѣчаетъ, что, не смотря на большое участіе нашего лѣтописца въ современныхъ ему событіяхъ, о немъ нѣтъ упоминанія у другихъ современныхъ ему лѣтописцевъ. Все, что извѣстно въ настоящее время объ этой личности, заимствовано изъ ея же собственнаго труда ¹⁾. Миллеръ воспользовался всѣми упоминаніями Критобула о себѣ самомъ въ его „Исторіи“, и въ своемъ предисловіи представилъ краткій біографическій очеркъ дѣятельности этого Византійца, выдѣляющагося изъ ряда всѣхъ другихъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ по своимъ убѣжденіямъ. Въ то время, какъ всѣ прочіе византійскіе лѣтописцы со скорбію описываютъ событія, завершившія паденіе Византійской имперіи, при чемъ завоевателя Константинополя, султана Мехемета II называютъ тиранномъ, врагомъ, убійцею своего народа и т. п. ²⁾,—Критобулъ, напротивъ, смотритъ на это событіе съ иной точки зрѣнія: дряхлый, слабый народъ (Греческій) палъ и уступилъ мѣсто юному и сильному народу (Туркамъ). Исходя изъ подобной точки зрѣнія, нашъ авторъ, естественно, не громитъ завоевателя султана Мехемета II бранью, а относится къ нему съ должнымъ почтеніемъ; онъ посвящаетъ ему свою „Исторію“, и какъ самъ же въ ней свидѣлствуетъ, является однимъ изъ главныхъ пособниковъ завоевателя при окончательномъ утвержденіи его въ предѣлахъ Византійской имперіи. Тотчасъ по занятіи Константинополя Турками, Критобулъ выступаетъ на поприще политической дѣятельности съ подобными убѣжденіями. Едва только разнеслась вѣсть на греческихъ островахъ Имбрѣ, Лемносѣ и Тасосѣ о паденіи Константинополя, какъ жителей объялъ панический страхъ: всѣ бросились бѣжать на острова Критъ, Хіосъ и Евбею, въ надеждѣ найти тамъ безопасное убѣжище. Въ такомъ критическомъ положеніи является на помощь Критобулъ: ему удается убѣдить испуганныхъ жителей не покидать своихъ жилищъ, и съ своей стороны онъ принимаетъ мѣры для оправданія своихъ увѣреній; онъ немедленно отправляетъ ³⁾ посла къ Хамузу, начальнику турецкаго флота въ Галлиполи съ дарами, чтобы

¹⁾ Müller, *Fragm. histor. graecorum*, tom. V, pars I. Prolegomena, стр. li.

²⁾ См. Prolegom. Миллера, стр. liij.

³⁾ Вотъ какъ выражается по этому поводу въ своей «Исторіи»: «ἐν δὲ ταῖς αὐταῖς ἡμέραις ἀφικνεῖται καὶ παρὰ τῶν νήσων πρεσβεία τῷ βασιλεῖ, ἣν ἐπέμψε Κριτόβουλος ὁ Ἰμβριώτης, ὃ καὶ τὰς συγγράφας..... (Критоб. lib. I, cap. XXV, стр. 103).

предотвратить вторженіе Турокъ на греческіе острова; вслѣдъ затѣмъ онъ отправляетъ къ самому султану Мехемету одного попа съ острова Имбра съ однимъ важнымъ свѣтскимъ лицомъ въ качествѣ пословъ, и они отъ имени всѣхъ жителей передаютъ султану Имбръ, обязавшись вносить въ казну султана ежегодную дань. Примеру Имбра, благодаря стараніямъ Критобула, послѣдовали острова Эасосъ и Лемносъ. Мы не знаемъ, было ли въ то время известно султану Мехемету II столь ревностное содѣйствіе его успѣхамъ со стороны Критобула; но уже въ 1456 г. когда Доріей, сынъ Цаламеда, правителя о. Имбра, поднялъ восстаніе, управленіе этимъ островомъ было поручено Хамузомъ нашему автору ¹⁾. Затѣмъ, когда господство Италіанцевъ на о. Лемносѣ, начавшееся съ 1457 г., стало невыносимымъ, Критобулъ, въ началѣ 1459 г. отправляется депутатомъ отъ жителей острова къ султану въ Адрианополь съ просьбой о принятіи ихъ подъ свое покровительство, между тѣмъ какъ по тому же самому дѣлу и деспотъ Пелопоннеса Деметрій, вслѣдствіе письма Критобула, посылаетъ туда же своего посла Асана.

Вполнѣ определенныя свѣдѣнія о Критобулѣ восходятъ только до 1459 г. Съ этого года онъ жилъ на о. Имбрѣ; отсюда, по предположенію К. Миллера ²⁾, онъ, послѣ занятія Имбра Венеціанцами (1466 г.), ушелъ въ Константинополь, гдѣ около 1470 г. окончилъ свою „Исторію“, начатую еще на родинѣ.

Миллеръ въ своихъ „Прологоменахъ“ опредѣлялъ значеніе „Исторіи“ Критобула для исторіи Византіи, но почти ничего не сказалъ о значеніи ея для исторіи южныхъ Славянъ. Задавшись цѣлью представить исторію правленія султана Мехемета II, Критобулъ, само собою, долженъ былъ касаться и судебъ южныхъ Славянъ, окончательно покоренныхъ этимъ султаномъ; но къ сожалѣнію, вслѣдствіе отдаленности южно-славянскихъ земель, ему не удалось собрать такихъ подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ османскаго оружія въ этихъ земляхъ, какъ на греческихъ островахъ, гдѣ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ. Впрочемъ, имѣя въ виду вообще недостаточность источниковъ по исторіи южныхъ Славянъ, должно дорожить и единичными, безсвязными свѣдѣніями, провѣряя ихъ свидѣ-

¹⁾ Ib. lib. II, cap. XVI, стр. 114: Καὶ πέμψας (Ἰωνοῦζης) ἄγγελον μετακαλεῖται Κριτόβουλον καὶ παραδίδωσιν αὐτῷ τήν τε νῆσον πᾶσαν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φρούρια ἄρχεῖν τε καὶ φυλάττειν.

²⁾ Prolegom. Миллера, стр. lii.

тельствами другихъ источниковъ. Нерѣдко показаніе одного источника, при всей недостаточности, при сравненіи съ содержаніемъ другихъ источниковъ, становится важнымъ по одной какой-нибудь замѣткѣ, много выясняющей дѣло. Съ подобнымъ возрѣніемъ слѣдуетъ приступить и къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ Критобула Имбріота по исторіи южныхъ Славянъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ изложеніи Критобула. Критобуль въ своей „Исторіи“ дѣлаетъ довольно подробныя и точныя описанія мѣстностей, чрезъ которыя приходилось султану Мехемету II проходить во время его походовъ или вести въ нихъ войну. Таковы: описаніе похода 1455 г. на Новобрдо (Νοβόπροδος) ¹⁾ и 1456 г. на Бѣлградъ ²⁾. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить одну особенность: Критобуль употребляетъ древнія греческія названія, вмѣсто существовавшихъ уже въ его время славянскихъ. Такъ, напримѣръ, рѣка Марица извѣстна у него подъ именемъ Гевра (Γέβρος) съ притоками Κοιναίεδος, Ἀγριάνας и Τέαρος ³⁾; но въ то же время Критобуль оставляетъ славянское названіе, если не знаетъ соотвѣтствующаго ему классическаго ⁴⁾, или на ряду съ греческимъ, приводитъ народное славянское названіе ⁵⁾. На ряду съ чисто выѣшнимъ описаніемъ мѣстностей, у Критобула встрѣчаются довольно обстоятельныя характеристики народовъ и странъ, обнаруживающія въ авторѣ общее знакомство съ ними. Таковы характеристики Сербовъ въ VII-й главѣ 2-й книги, Босняковъ—въ XV-й главѣ 4-й книги, и Албанцевъ—въ XVI-й главѣ 3-й книги и XI-й X 5-й книги ⁶⁾. Стоитъ прочесть ихъ, чтобъ убѣдиться, что составитель зналъ эти народы. При этомъ считаемъ не лишнимъ отмѣтить слѣдующій довольно интересный фактъ. Критобуль въ своей „Исторіи“ употребляетъ названіе города Яицы въ чисто—народномъ сербскомъ произношеніи—съ удареніемъ на первомъ слогѣ ⁷⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію свѣдѣній Критобула по политиче-

¹⁾ Критόβ. lib. II, cap. IX.

²⁾ Ibid. cap. XVII.

³⁾ Ibid. cap. XII, стр. 112.

⁴⁾ Ibid. lib. II, cap. VIII, стр. 110: ἀφικνεῖται ἐς πόλιν ἐχρῖν καὶ εὐδαίμονα Νοβόπροδον οὕτω καλούμενην τῇ Τριβυλλῶν φωνῇ.

⁵⁾ Ibid. lib. V, cap. VI, стр. 153: Ἐβρωγῶν ποταμός, ὅς τῃ ἐπιχωρίῳ φωνῇ Βρόνος (им. Δρόνος) καλεῖται.

⁶⁾ Въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ одна и та же характеристика Албанцевъ; сходство почти дословное.

⁷⁾ Критόβ. lib. IV, cap. XV, стр. 147: ἐΐατζα, καλούμενον τῇ ἐπιχωρίῳ φωνῇ.

ской исторіи Сербовъ и Босняковъ. Карлъ Миллеръ, указавшій всѣ недостатки труда Критобула, и между прочимъ, на самый главный—умышленное извращеніе событій, умаляющихъ славу султана Мехемета II ¹⁾, отдаетъ ему справедливость въ томъ, что у него находится нѣчто новое, чего нѣтъ у другихъ современныхъ византійскихъ лѣтописцевъ—Дуки, Халкокондила и Францы ²⁾. Въ этомъ-то и заключается важность „Исторіи“ Критобула; съ этой стороны она имѣетъ значеніе и для исторіи южныхъ Славянъ, хотя, правда, не большое.

Критобулъ Имбриотъ невѣрно называетъ Сербскаго деспота Юрія I Бранковича Лазаремъ ³⁾. Затѣмъ, онъ невѣрно относитъ смерть Сербскаго деспота Лазаря Юрьевича къ 1457 г. и невѣрно излагаетъ событія, слѣдовавшія за его смертью. По его словамъ, султанъ Мехеметъ II лишь только узналъ о смерти Лазаря, далъ Али-пашѣ приказаніе двинуться походомъ въ Сербію, и этому вождю удалось скоро достигъ столицы Смедерева. Али-паша потребовалъ сдачи города, но получилъ отказъ, послѣ чего приступилъ къ блокадѣ города ⁴⁾. Осада продолжалась и зимою 1457 г.: будучи не въ состояніи болѣе выдерживать осаду, вдова деспота Лазаря передала городъ Туркамъ ⁵⁾. Очевидно, Критобулъ смѣшалъ походъ Турокъ въ годъ смерти деспота Лазаря Юрьевича (въ началѣ 1458 г.), о коемъ намъ мало извѣстно, съ походомъ на Смедерво 1459 г., завершившимся занятіемъ столицы Сербскаго государства. Критобулу не удалось собрать надлежащихъ свѣдѣній объ этомъ событіи. Оттого онъ также впадаетъ въ большую ошибку, когда говоритъ, что вдова Лазаря съ дочерью ушла въ Босну, гдѣ выдала за Боснійскаго короля свою дочь, уступивъ этому въ приданое за дочерью города, полученные ею отъ султана въ замѣнъ за Смедерво ⁶⁾. Ошибочность разказовъ Критобула ясно обнаруживаютъ официальные документы, венгерскіе лѣтописцы и Халкокондилъ. По несомнѣннымъ источникамъ извѣстно, что вдова Лазаря Елена имѣла не одну дочь, а три; извѣстно также,

¹⁾ Prolegom. *Миллера*, стр. liv: «majorem labem dignitati historiarum aucto eo intulit, quod quae Mechemetes minus prospere gessit aut odiose fecisse videri possit, silentio promit aut in gratiam patroni a vero detorquet.

²⁾ Ibid.

³⁾ Критоб. lib. II, cap. VI и др.

⁴⁾ Ibid. cap. XXI.

⁵⁾ Ibid., lib. III, cap. II.

⁶⁾ Ibid.

что бракъ Стефана Томашевича съ дочерью ея Маріей состоялся на условіи уступки ему Смедерева и всего Сербскаго государства, что, конечно, могло послѣдовать только до взятія Смедерева Турками, но никакъ не послѣ, какъ полагаетъ Критобуль. При общей неутриности этого свидѣтельства Критобула, въ немъ есть и нѣчто новое, неизвѣстное изъ другихъ источниковъ, именно свѣдѣніе о великодушномъ отношеніи султана Мехемета II къ вдовѣ Лазаря Еленѣ послѣ занятія имъ Смедерева. Одинъ только византійскій лѣтописецъ Халкокондилъ упоминаетъ объ этомъ великодушіи, говоря, что султанъ Мехеметъ II предоставилъ Еленѣ свободный выходъ изъ столицы со всѣмъ ея имуществомъ ¹⁾. Къ этому свѣдѣнію у Критобула присоединено одно важное добавленіе, что султанъ далъ вдовѣ Лазаря во владѣніе два города: одинъ въ Далмаціи, другой въ Боснѣ, въ замѣнъ за Смедерево ²⁾. Но на сколько вѣрно это новое свѣдѣніе, мы въ настоящее время не беремса рѣшить.

Сравнивая затѣмъ свидѣтельство Критобула о покореніи Турками Боснійскаго королевства (1463 г.) съ свидѣтельствами лѣтописцевъ—турецкаго Сеад-еддина и византійскаго Халкокондила, писавшаго по турецкимъ источникамъ, замѣчаемъ также неполноту перваго: въ немъ не упомянуто даже о занятіи Турками боснійской крѣпости Бобовца—первомъ успѣшномъ ихъ подвигѣ; а о взятіи Боснійскаго короля Степана Томашевича въ плѣнъ сказано, что оно случилось на пути, во время бѣгства его изъ Яицы, куда—неизвѣстно, а не въ замкѣ Ключѣ, осаду котораго довольно подробно излагаютъ Сеад-единъ и Халкокондилъ. Послѣдніе—Сеадъ-единъ, какъ Турокъ, а Халкокондилъ, какъ писавшій по турецкимъ источникамъ, представили подвигъ Турокъ въ лучшемъ свѣтѣ, умолчавъ объ измѣнѣ жителей г. Яицы, предавшихъ городъ Туркамъ. Но то, что скрыто этими лѣтописцами, сообщается Критобуломъ Имбриотомъ; онъ прямо говоритъ, что жители города Яицы, видя невозможность выдерживать осаду Турокъ, завели съ ними переговоры, тайно отъ своего короля, и передали имъ городъ; вѣсть объ этомъ заставила короля Степана Томашевича искать спасенія въ бѣгствѣ ³⁾. Критобуль,

¹⁾ Халкоконδύλης, lib. VIII, стр. 244 (edit. Paris).

²⁾ Κριτόβουλ. lib. III, cap. II: «τῇ δὲ γε λαζάρου γυναίκι πολιέματα δύο παρέσχεν ἐς ἀρχὴν ἀντι. Σαμανδρίας ἐς Δαλματίαν καὶ Βόστρους (въ 4-ой главѣ 5-ой книги читается Βοσνίου) ὁ βασιλεύς».

³⁾ Κριτόβ. lib. IV, cap. XV, стр. 147.

упомянувъ о занятіи (1463 г.) Турками Босны, умалчиваетъ о послѣдовавшемъ затѣмъ походѣ Венгерскаго короля Матвѣя Корвина въ Босну, окончившемся занятіемъ венгерскимъ войскомъ большей части Босны. Оттого читатель Критобуловоѣ „Исторіи“ приходитъ въ недоумѣніе, когда затѣмъ читаетъ, что султанъ Мехметъ II самъ лично идетъ на г. Лицу, съ цѣлью занять его, что произошло въ 1464 г.

Принявъ во вниманіе все сказанное объ этомъ лѣтописцѣ, приходится вполнѣ скептически отнестись къ его заявленію, что онъ самымъ тщательнымъ образомъ собралъ свѣдѣнія у очевидцевъ¹⁾, прежде чѣмъ приступилъ къ изложенію своей „Исторіи“. У него были источники, по нимъ онъ воспользовался по-своему.

Обстоятельное разсмотрѣніе хронологіи этихъ лѣтописцевъ по отношенію къ исторіи южныхъ Славянъ въ XVI и XV вв. представимъ внослѣдствіи

---

¹⁾ Ib. Κριτοβούλου ἐπιστολή (посвященіе «исторіи» султану Мехмету II) стр. 53 πολλὰ μογήσας ἤδη, οὐδὲ γὰρ αὐτὸς τοῖς ἔργοις ἐπεστην ἵνα δὴ καὶ τὸ ἀκριβὲς τούτων εἰδείην, ἀλλ' ἰσχυρῶν τε ἅμα καὶ πονθανόμενος τῶν εἰδόντων καὶ ὡς ἐνῆν ἀκριβῶς ἐξέταζων, ξυντάξα ταῦτο τὸ βιβλίον; или: «Γράψω δὲ (τὰ) καθέκαστα ὡς ἐγένετο ἀκριβῶς» (ibid. lib. I cap. I).

В. Качановскій.